

Михаил Белозеров

Нашествие арабуру

Самурай из Киото

Михаил Белозёров
Нашествие арабуру

«Автор»

2009

Белозёров М. Ю.

Нашествие арабуру / М. Ю. Белозёров — «Автор»,
2009 — (Самурай из Киото)

Раннее средневековье. Всемогущие иноземцы захватили Японию. Столкновение двух цивилизаций приводит страну на край гибели. Династия императоров пала. Кажется, что у японского народа нет будущего. Однако далеко в горах зреет заговор таинственных монахов, которые плетут шпионскую сеть. Самурай Натабура с друзьями пробирается в столицу, чтобы поднять восстание. Путь их долг и опасен. Прежде чем победить и изгнать иноземцев, им предстоит узнать самую большую тайну Японии.

© Белозёров М. Ю., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Михаил Белозеров

Нашествие арабуру

Жизнь – это облачко, кочующее в небе.

Будда.

Глава 1

Смутные времена

Никто не знает, откуда они пришли: то ли с востока, то ли с запада, а может быть, с юга или даже с севера, хотя всем известно, что Мир кончается за островом Хёкура. Одни говорили, что прямо с гор или даже с небес. Другие не верили, ничему не верили и просто молились. Третьи сотрудничали, превратившись в цукасано гэ¹. А были и такие, которые точили пики и думали, что волны сильнее берега. Но всех-всех объединяло великое терпение Будды, который, как известно, был свободен от каких-либо привязанностей и пуст ото всяческих тварей, небесных, и поднебесных, и всех остальных – и еще Бог весть кого. Если разобраться, то вся эта история не стоила и рисовой шелухи, ибо Боги распорядились так и по-другому уже не могло быть, и надо было смириться или драться!

Натабура и Афра брели за учителем Акинобу. Раскаленный воздух дрожал над дорогой, и там, где она заворачивала за горизонт, где должны были зеленеть поля, лишь голубели миражи озер. Язаки по привычке искал, чем бы поживиться – хотя бы ростком коняку, хотя бы свежей травинкой, и был безутешен. В этот раз из подозрительного клочка рисовой соломы, который он пнул, выкатился зеленый череп с ошметками кожи. Во все стороны брызнули толстые полевые мыши. Опешив, Язаки промедлил мгновение, зато Афра кинулся с места и скрылся в кустах, съедобные листья которых давно были ободраны жителями ближайшей деревни под названием Тамба. Натабура с укоризной посмотрел на друга.

– Жрать хочу!.. – с вызовом пояснил Язаки, неотрывно наблюдая, как шевелятся кусты – Афра, рыча, косясь и давясь, пожирал мышей, давая Натабуре лишний повод преисполниться за него гордостью.

Подошел рябой Баттусай и едва разлепил сухие губы:

– Все хотят...

Поднял вокруг себя облако горячей пыли с запахом горькой полыни и долго смотрел – на выцветшее небо, в котором плавали стервятники, и на мертвое поле, где в поисках зерен бродили две или три унылые тени крестьян. Так долго, что Натабура устал ждать продолжения его речей – ведь Баттусай наверняка что-то оставил про запас, не стремясь, как обычно, напрямую посмеяться над миром, но одновременно давая понять, что так оно было, есть и по-другому не будет.

Но ничего не произошло – должно быть, Баттусай устал и ему было не до шуток.

Всех страшно раздражала его привычка шаркать ногами по дороге, поэтому он двигался позади на приличном расстоянии, но себе не изменял и оставался сильным, бодрым и ловким, готовым к подвигам. А еще он умел становиться незаметным, словно тень. Как он это делал, никто понять не мог. Вот эти его качества мне больше всего и по душе, думал Натабура, словно он знает, чего хочет, и не расстраивается по пустякам. Подумаешь, голодуха! Мне даже нравится. Она придает мне силы! Он чувствовал, что и сам стал прежним – сухим и вертким,

---

¹ Цукасано гэ – покорные судьбе.

словно и не было двухгодичного сидения на озере Хийн, где он построил для Юки и дочери Мароя дом и окружил его зарослями вьющихся хризантем.

– А я очень хочу, – капризно сказал Язаки, напомнив Натабуре прежние годы. – Я больше всех хочу! Я, может быть, умираю?! – он распахнул кимоно, демонстрируя все до единого выпирающего ребра и сухие складки кожи, висящие на животе, как у больной собаки, пытаясь по привычке разжалобить и выклянчить хоть рисинку, хотя бы веревочку от катэ-букуро², пахнущую тэрияка³.

– То-то я гляжу, твои пророчества не сбываются, – насмешливо заметил Натабура, понимая, что Язаки нельзя жалеть ни при каких обстоятельствах. Он не хотел, чтобы его друг, как всегда, предавался нытью до самого вечера. Следовало увести мысли Язаки в другую сторону.

Если бы хитрый Язаки толком знал будущее – знал, что будет голодать, он ни за что не потащился бы в такую даль. Язаки не враг себе. Еще год назад он начал твердить о каких-то огнедышащих и пятипалых иканобори⁴ и об этих самых – арабуру. Но сколько учитель Акинобу к нему ни приставал, ничего толком объяснить не мог. Мол, вижу знаки: огненных катана, летающих драконов и все такое, а растолковать не могу – ничего, кроме того, что приплывут иноземцы.

– Какие иноземцы?

– Не знаю!

– Гунны, что ли? Так они уже один раз к нам приходили.

– Может, и гунны, откуда я знаю! – отвечал Язаки сварливо.

– А что еще?

– Дерево срубят!

– Какое дерево?

– Понятия не имею, но все кончится хорошо!

Эту фразу, которая быстро всем надоела, он повторял каждый день раз по двадцать – о «дереве» и о «хорошем конце». Ее в итоге запомнили и перестали реагировать. А они взяли и свалились, как снег на голову, и начали править, и запретили говорить на родном языке, объявив его тарабарским. А еще вырубил сакуру – символ Нихон, и убили императора Мангобэй совершенно необычным способом, не говоря обо всех его родственниках и приближенных. Сбылось видение Язаки, который весьма печалился, что дерево народа уничтожили. Никто не знал, что это значит для будущего. А значит это, что мы все-таки выживем, твердо верил Натабура. Слава Будде! Но самому Язаки не рассказывал, что таким образом его пророчества сбываются, даже вида не подал. Незачем Язаки знать, что он прав, ибо на радостях возьмет да изменит его – будущее. В подобного рода тонких делах должна соблюдаться известная осторожность, иначе хлопот не оберешься.

– Что ты в этом понимаешь?.. – обиделся Язаки. – Я, может... – он подозрительно всхлипнул. – Я, может... я, может, сам переживаю!

– Ага... – вставил коренастый Баттусай, – как тот гусь, которого откармливали горохом. – Баттусай хотя чаще и помалкивал, но Язаки не понимал и недолюбливал, считая его слабаком.

У Язаки не было слов. Он выпучил глаза от злости и прогудел что-то вроде того, что все в руках Будды и Богов. Чего мог он еще ответить? Ему давно уже никто не верил, кроме прямодушного Афра.

Один учитель Акинобу промолчал, застыв на дороге, опираясь на свой неизменный белый посох из корейского дуба, в котором был спрятан клинок. В волосах, собранных, как кисточка, высоко на макушке, белела седая прядь, а раскосые глаза были лениво прикрыты.

---

² Катэ-букуро – мешок для провизии.

³ Тэрияка – пожаренное и высушенное мясо яка.

⁴ Иканобори – дракон.

Казалось, он не слышит перебранки, а просто терпеливо ждет, когда путники наговорятся внаглую, а потом так же уныло и безотчетно двинутся дальше. К тому же он укорял Натабуру за неумение воздержаться от ненужных разговоров.

Они часто спорили – иногда до хрипоты, иногда до тумачков, и никому не доверяли в суждениях, даже пророку, которого и пророком-то не считали, то бишь Язаки, потому что привыкли к нему, к его озарениям и предсказаниям, и тихонько над ним посмеивались, но только тихонько, остерегаясь на всякий случай неведомых сил, с которыми он разговаривал. Натабура даже подозревал, что Язаки давно уже ни с кем из духов не общается, что он потерял свой дар и бормочет только для вида. Но разоблачать друга у всех на виду ему не хотелось. Да и пользы, в общем-то, от этого никакой не было бы. Бормочет, ну и пусть бормочет. Какое мне дело? – думал он.

– Скоро придем, – счел нужным напомнить Акинобу, чтобы все побыстрее успокоились.

В этот момент иканобори и пролетел, махнув огненным хвостом, да так низко, что Язаки присел, потому что решил, что у него отвалилась голова, а Афра, не отрываясь от еды, зарычал, показывая небу огромные белые-белые клыки. Натабура и Баттусай упали в полынь, как тяжелые снопы с телеги, а, поднявшись, долго выплевывали дорожную пыль, с ненавистью глядя в бездонное небо: иканобори, оставив за собой полукруглый след, скрылся в белесом мареве и был таков.

– Ксо!⁵ – проворчал всегда спокойный Баттусай, трясая головой с жесткими короткими волосами. От них отделилось облачко пыли и полетело на сухую траву, как чужая душа.

Натабура решил, что он тоже грязный, и тоже стал отряхиваться. За этим занятием и застал их приглушенный окрик учителя Акинобу:

– Осторожно!..

На этот раз Натабура забыл, что вслед за иканобори всегда возникали арабуру в перьях, и пропустил их появление. Пришлось снова валиться в пыль, не поднимая глаз. Он ничего не видел до тех пор, пока в поле его зрения не всплыли конские копыта, подкованные железом – это было до сих пор в диковинку, так как в его стране никто никогда не слышал, что на лошадей можно надевать железные сандалии. Земля тряслась, как в лихорадке, – слышно было на расстоянии трех полетов стрелы. Натабура покосился влево: учитель Акинобу тоже стоял на коленях, опустив голову, и только по едва заметному напряжению рук, сжимающих посох, можно было догадаться, что он готов вскочить и действовать. Лишь бы Афра не сунулся, успел подумать Натабура, лишь бы не сунулся, хотя последнее время терпеливо учил его прятаться в ближайших кустах при любом лошадином топоте. За Афра он боялся больше всего.

– Эй, ты! – раздался окрик на том языке, который теперь назывался японским и из которого он толком не понимал больше двух слов из пяти. – Встань!

– Да, таратиси кими...⁶ – произнес он фразу, которую было положено говорить в таких случаях, и поднялся. За спиной привычно шевельнулся голубой кусанаги⁷ – мол, я готов, я здесь, я жду, и нет меня лучше в таких делах. Да и годзука⁸ сделался теплым, сообщая тем самым, если что, тут же окажусь в твоей руке. Спасибо, друзья, думал он, спасибо.

Поговаривали, что у арабуру было какое-то странное оружие – мшаго⁹: то ли огненные катана, то ли длинные-длинные пики, которыми они косили народ. Не то чтобы Натабура особо боялся, а просто остерегался, полагая, что вначале надо выяснить обстановку.

---

⁵ Ксо – дерьмо.

⁶ Таратиси кими – уважаемый господин.

⁷ Кусанаги – длинный волшебный меч голубого света с рукоятью на две трети утопленной в ножны для того, чтобы уменьшить общую длину. Рукоять сделана с зацепом под кисть.

⁸ Годзука – кривой нож с ядовитым лезвием, сделан из когтя каппа.

⁹ Мшаго – огненный меч.

Было их пятеро, и все на одно лицо: сплюснутый лоб, дынеобразные затылки и подпиленные зубы. Натабура еще не научился различать арабуру. Двое господ – у одного красные перья в головном уборе, у другого – синие, а без перьев – трое слуг, которых почему-то называли корзинщиками и которые везли оружие: нагинаты¹⁰, какие-то древние прямые мечи и еще что-то притороченное в мешках. Совсем обнаглели. Ничего не боятся. Натабуре стало горько оттого, что неизвестно кто разъезжает по дорогам его страны и чувствует себя хозяином.

– Что у тебя на груди, титлак?¹¹

Натабура забыл, что годзука свесился на шнурке. Но даже по новым законам ножи не возбранились. Так какого демона, спрашивается?! Он подавил в себе гнев, – чтобы даже глаза не выдали. Он умел это делать – давным-давно, еще с незапамятных времен, и никогда не суетился при виде врага. Выдержке его обучал учитель Акинобу. Выдержка стала привычкой – настолько старой, что он и не помнил, когда приобрел ее.

– Нож, таратиси кими, – Натабура с поклоном вытащил годзуку, держа его так, чтобы не было видно, что он плачет зеленоватым ядом каппа¹².

Арабуру, который был ближе, из презрения даже не наклонился. Его узкое, горбоносое лицо, делавшее его похожим в профиль на попугая, брезгливо сморщилось:

– Дикари!

– Почему? – вяло спросил второй арабуру, откровенно скучая.

Был он старше первого, царственно толст и страдал от жары, обмахиваясь круглым железным веером с изображением оммёдо¹³.

– Потому что нож костяной.

– Чего-о-о?..

– Нож, говорю, костяной. Уййй!!! – и хлопнул себя по затылку.

Старший внимательно посмотрел на Натабуру.

– Не-е-е-т, не скажи, он ученый!

Их лица, как и лоснящиеся от пота тела, были покрыты непонятным орнаментом. В мочке правого уха по огромной костяной игле, в левом дыра пустая, от этого мочка кажется кусочком веревки, привязанной к уху. На груди целая связка амулетов: от сглаза, от плевка, от дурного слова. И никаких доспехов.

– Почему? – удивился молодой и посмотрел на старшего.

Натабура еще удивился, что оружия при них нет, однако странное ощущение опасности останавливало его от опрометчивого шага – может, так пронесет? Не зная врага, не осознаешь своей силы. Да и они не видели за его плечами голубой кусанаги, который находился в состоянии амэи¹⁴ и становился тамэи¹⁵, лишь когда Натабура его выхватывал. Но это уже было не суть важно, ибо обычно противник не успевал понять происходящего. Так и надо. Так и задумано.

– Вон как зыркнул на знак инь и ян, – объяснил старший.

– А... – молодой с подозрением уставился на Натабуру, ища на его открытом лице признаки смятения, но оно оставалось непроницаемым, как у Будды, взирающего на Мир сонными глазами филина.

Из всего услышанного Натабура различил три слова «оммёдо», «ян» и «инь», а еще, кажется, его называли ученым. Это было равносильно смертному приговору, потому что арабуру всех мало-мальски грамотных зарывали в землю. Поэтому они и шли, притворяясь не мона-

---

¹⁰ Нагината – изогнутый широкий клинок, посаженный на длинную рукоять.

¹¹ Титлак – раб (майя).

¹² Каппа – демон водного царства, из рода Джига.

¹³ Оммёдо – знаки инь и ян, солнце и луна, символизирующие активное и пассивное начало сущего.

¹⁴ Амэи – невидимый.

¹⁵ Тамэи – видимый.

хами, которых ловили, а нищими крестьянами, наводнившими дороги Нихон. Монахов перебили, потому что за последний год они три раза поднимали восстание, и три раза их топили в крови. Все монастыри, за исключением пещерных да островных, лежали в руинах. До пещерных еще просто не добрались. Не нашлось предателя, потому что арабуру были прижимистыми и в этом вопросе больше полагались на силу, чем на хитрость.

– Знаешь, что я думаю... – почесал затылок старший арабуру, – это разведчики мятежников!

– Ну? – удивился молодой арабуру, но не тому факту, что перед ними разведчики, а тому, что местный народ такой непокорный – топишь-топишь его в крови, а он лезет и лезет, лезет и лезет в своих мешковатых кимоно цвета земли, как мыши из нор.

– Конечно. Отрастили волосы и идут в столицу. Коварные, твари!

– Что будем делать?

– Их надо схватить и пытаться. Даже если ошибемся, не прогадаем. Эй! – он повернулся к оруженосцам.

И снова Натабуре помогла природная способность понимать смысл чужих слов, хотя язык не был похож на язык дикарей из Европы. Он все сообразил, даже по тому, как старший арабуру сжал поводья, а у молодого арабуру нехорошо вспыхнули глаза. А еще он понял, что свара разгорелась из-за годзуки – понравился он одному из арабуру. Натабура не удержался и усмехнулся. Если бы только арабуру заметили его усмешку! Но они плохо понимали мимику туземцев и, должно быть, решили, что это гримаса страха и что он просто струсит, как любой крестьянин при виде хозяина, точнее, новых хозяев.

Двое оруженосцев соскочили с лошадей и приблизились к ним, снимая с плеч веревки и показывая на руки. Третий на лошади тоже приблизился, полагая, что таким образом чем-то сможет помочь товарищам, и даже выставил перед собой ржавую нагинату. И тогда Натабура понял, что оруженосцы везут не оружие, а реликвии, и что арабуру собирают в качестве добычи всякий древний хлам. Зачем это им, удивился он и покорно протянул руки, у нас в стране так не делают. У нас чтят Будду и предков, но никак не грязь под ногами. Молодой арабуру злорадно засмеялся.

– Вот и все, – сказал он, – а ты говорил о каком-то коварстве. Да они безобидны, как цыплята. Привыкли подчиняться.

– Не скажи... – хмыкнул старший. – Я слышал, они опаснее ягуара.

Оруженосец уже два раза обмотал руки Натабуре, который все еще ждал, когда начнет действовать учитель Акинобу.

– Забери у него нож, – приказал молодой арабуру. – Мне понравился. Костяная диковинка. Повешу у себя в спальне.

– Да, господин, – оруженосец замешкался, не зная, то ли вначале отобрать нож, то ли связать руки.

Эта была его роковая ошибка, потому что второй оруженосец как раз подошел к учителю Акинобу. И тут они оба сделали то, о чем потом вспомнить даже не могли, ибо действовали по наитию: учитель Акинобу насадил подошедшего оруженосца на клинок, который молниеносно выхватил из посоха, а Натабура перебил своему врагу горло сухэ¹⁶ – так быстро и незаметно, что оруженосец стоял еще целое мгновение, как живой. Стоял, даже когда Натабура, одним прыжком очутившись рядом с молодым арабуру, зарубил его первым, стоял еще и тогда, когда второй арабуру что-то сообразил и в его глазах вспыхнул ужас. Но вместо того, чтобы дернуть за поводья и послать лошадь вперед, он неуклюже взмахнул веером, который, загудев, как гнездо шершней, превратился в огненный катана – мшаго с бордовым клинком, – а вот ударить не успел. Натабура, повинувшись безотчетному страху, махнул кусанаги и разрубил ара-

---

¹⁶ Сухэ – боевое кольцо с лезвием.

буру сбоку, от руки до пояса. Только лицо отвернул от брызг. Лошадь понесла, волоча труп и окропляя траву и сухую дорогу горячей кровью, а рука с мшаго упала в пыль, и гудение прекратилось. Два красных пера, медленно кружась, опустились на дорогу.

Натабура не сразу взял веер, а некоторое время с опаской разглядывал его. Потом потянул на себя. Но пальцы на руке не разжимались. Тогда он дернул сильнее, вырвал из мертвой ладони арабуру веер и устремился вслед за своими. Оказывается, пока он возился с рукой, они успели добежать до ближайших кустов на склоне лощины и подавали ему оттуда знаки, один за одним выглядывая, как суслики.

После этого они помчались дальше, да так, что ветер засвистел в ушах. Афра, приплясывая, пристроился рядом, радуясь тому, что хозяин наконец не тащится, подобно улитке на склоне, а куда-то и зачем-то несется, как перепуганный заяц. Так почему бы лишний раз не повалить дурака? Он хватал Натабуру за руку, почти не прикусывая, и тянул, и тянул вперед что есть силы, прижимая к лобастой голове уши и радуясь, радуясь, радуясь.

Когда они пришли в себя, Язаки с ними не было.

– Где Язаки? – удивился учитель Акинобу и выглянул из-за кустов, прижимая руку к груди – сердце билось где-то в горле. Вроде еще не старый, подумал он. Попить бы, да у них даже воды не было.

– Вот он! – показал Баттусай, который с удовольствием расстался бы с этим обжорой, и вообще, он не понимал, почему учитель Акинобу и Натабура возятся с Язаки. Такого ленивого ученика он сроду не видывал.

Язаки все еще бежал по дороге, как сонный, таща в обеих руках поклажу арабуру. За ним стелился шлейф пыли.

– Брось! – крикнул Натабура, с опаской посмотрев на небо. Вот-вот должен был вернуться иканобори. – Брось!

Но Язаки добежал и только тогда с гордостью швырнул трофеи в сухую траву:

– Во!

– Синдзимаэ!¹⁷ – не выдержал учитель Акинобу, хотя Язаки принес полную фляжку воды, разбавленную кислым вином, и они по очереди приложились к ней. – Фух-х-х!..

– Чего это?! – Язаки невозмутимо принялся развязывать кубу-букуро¹⁸, из которой, к его ужасу, выкатились четыре головы, да необычные, а маленькие, как у младенцев, однако с усами, бритыми лбами и длинноволосыми прическами самураев. У одного даже сохранилась сакаяки¹⁹, а у другого глаза были открыты и тускло, как у мертвой рыбы, взирали на мир.

– Кими мо, ками дзо!²⁰ – только и произнес Натабура, едва не поперхнувшись. Он узнал головы знатных самураев. Кажется, даже субэоса²¹ провинции Муцу, с которым был лично знаком. – Это из-под Цуяма. Там было последнее сражение.

– Точно, из-под Цуяма, – поддакнул Язаки, чтобы оправдать свой поступок. – Их никто не обмыл!

Учитель Акинобу скорбно промолчал, а Баттусай, беря у Натабуры фляжку, с удивлением воскликнул:

– А чего они такие маленькие? – и хмыкнул, выражая удивление: как это такие знатные люди дались арабуру?

И так было ясно, что самураи бессильны против пришельцев. Не для того ли их вызвал в столицу капитан Го-Данго, чтобы прояснить данный вопрос? И еще кое-что, о чем можно

---

¹⁷ Синдзимаэ! – Убирайся к демону!

¹⁸ Кубу-букуро – плетеная сумка.

¹⁹ Сакаяки – прическа самурая, волосы сбрасывали у лба, а на макушке завязывали узел мотодори.

²⁰ Кими мо, ками дзо! – очистительная, защитная молитва.

²¹ Субэоса – главный наместник провинции.

было легко догадаться по обстановке в стране. Должно быть, он готовил заговор. Должно быть, у него есть план. В этом плане для них, несомненно, отведено место.

– Они их коптили, – высказал предположение обескураженный Натабура. – Оро?!²²

– Нет, вымачивают в соляном растворе, а потом сушат, потом снова вымачивают и снова сушат, – объяснил учитель Акинобу. – Если бы коптили, были бы черными. Мы такое с тобой видели в южной стране Тау. Помнишь?

– Помню, – ответил Натабура.

Тогда он был совсем маленьким и носил мамориготана²³, которым и мухи невозможно было обидеть. Они едва унесли ноги от местных охотников, которых учитель Акинобу устранил, зарубив троих с такой скоростью, что остальные ничего не успели сообразить, ибо не имели понятия о настоящем катана и искусстве владения им. Зато потом ядовитые стрелы посыпались дождем.

– А здесь что? – Язаки с опаской стал развязывать другую сумку.

Из нее выпала связка сушеных крыс, пересыпанных черным перцем и красными травами – обычная еда арабуру.

– Куриное дерьмо!

Уж на что, казалось, Язаки голоден и всеяден, но и он не мог жрать подобную гадость. Взял да выкинул крыс в горькую полынь, чтобы Афра не соблазнился. Однако Афра не дурак – уже тыкался носом в следующие сумки, в которых, к счастью, оказался рис с овощами и маринованная в уксусе курица. Язаки тут же набил себе еду за обе щеки и, схватив две горсти риса, отступил в сторону. Учитель Акинобу посмотрел на него, как на безумного, а Натабура прочел в его взгляде презрение, хотя знал, что учитель по-своему любит Язаки.

– Головы надо похоронить, – высказал общее мнение Акинобу, которое заключалось еще и в том, что нельзя отдавать останки собратьев на поругание.

Пока вырыли яму в склоне лощины, пока закапывали головы, пока прочитали молитву и сосредоточенно помолчали, другой стороной поля пролетел иканобори. На него даже никто не взглянул – не из-за гордости, а из-за презрения. Но заторопились и, как только скороговоркой произнесли: «Наму Амида буцу!»²⁴, побежали дальше: вдоль сухой лощины, по краю которой росли редкие акации и которая огибала поле, превратившееся в безжизненную пустыню не только потому, что была засуха, а еще и потому, что несмотря на указания новых властей, крестьяне так и не научились выращивать опунцию для производства конишели²⁵.

Бедный Язаки едва передвигался с набитым брюхом, однако жадность не позволяла ему бросить еду. Он тащился, как всегда, стеной и охая. Вдруг замолк. Натабура невольно оглянулся. Язаки лежал ниц, разбросав вокруг себя сумки, а в запада приближался, поводя мордой из стороны в сторону, иканобори.

* * *

Хонки²⁶ сидели под мостом, да еще и в дыре, и жалобно хныкали:

– Вы нас не выдадите? Не выдадите?!

– А чего вы здесь делаете? – вступил в переговоры дипломатичный Баттусай.

Его рябая морда как нельзя лучше подходила для этого дела, потому что была как никогда серьезна и многообещающая – она сулила покой и радость для всего земного, в том числе и

---

²² Оро?! – восклицание, когда человек удивляется.

²³ Мамориготана – меч для подростков.

²⁴ Наму Амида буцу! – «Преклоняюсь перед Буддой Амида!»

²⁵ Конишель – краска из глины.

²⁶ Хонки – духи и демоны.

для хонки. Натабуре стало смешно, и он отвернулся. Баттусай любил навести тень на плетень, сочинить пару небылиц, да и вообще, наговорить такого, чего отродясь с ним не бывало. Вот и теперь он страшал хонки иканобори, которого сам боялся пуще смерти.

– Мы? – удивились хонки непонятливости людей. – Прячемся...

– А чего прячетесь-то?

– А вы что, ничего не знаете?

– Ни сном, ни духом. Откуда?

– Арабуру нас ловят...

– Ну и?..

Кое у кого в голосе прозвучало злорадство.

– Ловят и, говорят, что едят... – они обескуражено вздохнули. – Варят с лягушками в качестве приправы...

Количество желающих высказаться превышало пространство, в которое можно было втиснуться, поэтому в дыре виднелись одни глаза. Кто из них демоны, а кто духи, разобраться было весьма трудно. Как рыбы в неводе, невольно пришло в голову Натабуре. Ясно, что перед лицом всеобщей опасности все: и демоны, и духи разнообразнейших мастей объединились, ибо вслед за арабуру неизбежно должны были явиться их хонки. А кто они такие, никто не знал, поэтому хонки Нихон вдруг стали лояльны ко всем ее исконным жителям. Нам на пользу, подумал Натабура с дальним прицелом, правда, еще не представляя, какую выгоду из всего этого можно извлечь.

– Чего?

– Как вас жрать можно? – вмешался в разговор Язаки, знаток по части откусывать. – Где это видано, чтобы демонов и духов жрали? Я не знал. Вы ж, поди, безвкусные, как медузы?

– Безвкусные, – быстренько согласились хонки. – Безвкусные. Ясное дело. Кто спорит? Однако, вот. Оказывается, мы съедобные. Защитите нас...

– Чего?..

Им никто не верил, потому что хонки вечно пакостили людям и были хитры, как ползучие гады.

– Безвкусные, говорим. Защитите нас.

– Да на кой ляд вы нам сдались?!

– Мы исправимся... – просились они, как малые дети.

– Во припекло! – радостно воскликнул Баттусай.

А Язаки, пританцовывая, потер жирные ладони:

– Неспроста, видать!

Пока выяснялся этот важный вопрос, Натабура с учителем Акинобу разглядывали веер, который оказался таинственным мшаго.

– Я думал, врут, – с восхищением признался учитель Акинобу, крутя в руках неизвестное ему оружие и не зная, как к нему подступиться.

– Я тоже, – охотно согласился Натабура, хотя в душе гордился тем, что добыл такой меч – мечту любого самурая.

Афра уже третий раз обнюхивал диковинку своим длинным холодным носом и фыркнул – мол, ничего интересного.

– Ну, что скажешь? – спросил у него Натабура, все еще переживая свой подвиг. В этом году подвигов у него еще не было. Это первый. И сразу такая удача.

Пес завилал хвостом и доверчиво прижался. Он любил, когда с ним разговаривали, особенно если чесали еще и за ухом, тогда он урчал, как большой кот, и помогал, приседая, задней лапой.

– Слышь, Баттусай, – позвал учитель Акинобу. – Как... она вообще, ну, это?..

Дело в том, что Баттусай уже один раз имел дело с мшаго. Правда, не в качестве его владельца. Случилось это в прибрежной деревне Кимоса, куда он попал вместе с торговцами рисом. В самом начале появления арабуру, когда о них толком никто ничего не знал. Чужеземцы сцепились с вако²⁷, железные мечи которых оказались бесполезными против огненных катана. Единственно действенным оружием оказались арбалеты. Но за троих убитых и пятерых раненых арабуру сожгли деревню дотла, а все суда, на которых пытались бежать вако, потопили. Баттусай спасся чудом – отсиделся на рифе, а ночью приплыл на огонь. Разговоров о чудо-оружие хватило на целую луну. Баттусаю верили и не верили одновременно. Где это видано, чтобы свет был острее стали? Решили, что Баттусай на радостях перепился сакэ на перце и сочиняет небылицы. Один Натабура поверил. Вот бы мне такое, втайне стал мечтать. Но свой волшебный кусанаги, думал он, ни на что не променяю.

– Осторожно, – первым делом сказал Баттусай, – а то как пыхнет!

Только он предупредил, как учитель Акинобу что-то такое сделал, и из веера вылетел длинный, как лезвие катана, луч и легко прожег в опоре моста дырку. Запахло горелым деревом. Появился голубоватый дымок.

Все трое, кроме Афры, который давно уже не удивлялся разным человеческим глупостям, шарахнулись в сторону. А учитель Акинобу от неожиданности, как гадюку, отшвырнул мшаго на землю, где он продолжал тихо гудеть – ну совсем, как гнездо шершней. Вокруг луча оплавилась земля.

В этот момент сверху раздались тяжелые шаги иканобори. На голову посыпался песок. Афра давно уже ворчал, предупреждая, только все были заняты мшаго. Мост заскрипел и просел. Он не был рассчитан на вес дракона.

Иканобори вынюхивал. У него были отличное чутье и слух. Должно быть, его смущало гудение мшаго, но он не понимал: вроде бы пахнет туземцами, а гудит, как у арабуру. Все примолкли, а хонки еще глубже залезли в свою нору и дрожали от страха так, что земля ходила ходуном.

Вдруг иканобори перестал двигаться. Похоже, он учуял нас, понял Натабура и невольно ослабил хватку на ошейнике Афры, который это сразу ощутил, дернулся и в три прыжка, да еще и взмахнув крыльями, взлетел по насыпи на мост.

Конечно, они оба – и Афра, и иканобори – умели летать. В свое время Натабура вылечил друга, и у него отросло новое крыло, потерянное в бою с хирака²⁸ и с ганива²⁹. Конечно, и азарта им было не занимать. Однако даже медвежий тэнгу³⁰ не мог тягаться с иканобори, который к тому же умел изрыгать огонь дальше, чем на пять тан³¹.

Что оставалось делать – тем более что иканобори мог их сжечь вкупе с мостом в мгновение ока. Поэтому Натабура выскочил следом за другом.

Он застал их в тот момент, когда Афра сидел на иканобори и рвал его за спину, а иканобори, свернув лошадиную морду набок, недоуменно смотрел, кто это кусается – надоедливо, как комар. Впрочем, крови натекло уже прилично, и иканобори явно собирался расправиться с Афрой. Что конкретно он придумал, Натабура, конечно же, выяснять не стал, да и не собирався, дорого было каждое мгновение. Он только понял, что это китайский дракон, потому что был он не трехпалым, как местные, а пятипалым. Что это значит, Натабура сообразить не

---

²⁷ Вако – морские пираты побережья Китая, Кореи и Японии.

²⁸ Хирака – воин из обожженной глины.

²⁹ Ганива – глиняный демон в виде собакообразного существа.

³⁰ Тэнгу – крылатая медвежья собака с крыльями, проводник в мир хонки.

³¹ Тан – 10,6 м.

успел: возможно, Ая³² помогали арабуру, или даже науськали на Нихон, чтобы одним махом уничтожить многовекового противника.

Натабура быстро подкрался с другого боку, и хотя иканобори что-то почувствовал и даже махнул хвостом, на кончике которого раскачивалось, длинное, как катана, ядовитое жало, не долго думая, всадил луч мшаго в драконий бок, поросший зеленоватой шерстью, и распорол брюхо от хвоста до правой передней лапы. Он, наверное, отрубил бы и лапу, потому что бордовый луч мшаго вошел в плоть дракона, как нож в масло, и действовать им было даже сподручнее, чем голубым кусанаги. Но прежде чем умереть, иканобори мотнул головой в его сторону, выплюнув струю пламени, опалил себе бок и только после этого захрипел и стал валиться на левую сторону, беспомощно дергая крыльями. А Натабура, сбитый с ног вывалившимися из брюха иканобори внутренностями и волной крови, упал на дно сухой лощины в общество хонки.

Должно быть, несколько мгновений он был без сознания, потому очнувшись, понял, что пропустил часть событий. А очнулся он оттого, что верный Афра лизал ему лицо, и едва не задохнулся – воняло, словно из нечищеного колодца. Натабура, пошатываясь, выбрался на сухую землю и принялся отряхиваться. Болел правый бок, на который он упал, а еще нога и рука. И слегка все вокруг кружилось.

– Бесплезно, – с видом знатока заметил Баттусай, невольно отступая в сторону, чтобы его не забрызгало кровью и содержимым кишок – всем тем, в чем вымазался Натабура.

Язаки промолчал, потому что, как всегда, тайком жрал рис и курицу.

– Уходить пора, – напомнил учитель Акинобу. – Река недалеко, искупаешься.

Афра сделал два прыжка в сторону, согласный с этим. И все-все ждали, что скажет Натабура. Почему на меня все вылупились, словно я голый? Что же произошло? – попытался он вспомнить. Ах, да! И посмотрел наверх. Иканобори возвышался на мосту, как гора. Морда с прикушенным в агонии языком свисала меж остатков перил. Крылья, как и лапы с медными когтями, еще дергались. А лощина под мостом была завалена внутренностями. Как в него столько помещалось? – удивился Натабура. Это был его первый дракон. С ними он еще ни разу не дрался. Японские драконы всегда были миролюбивы и обходили людей десятой стороной. Их миром были вершины гор и темные ущелья с пещерами. Хонки тоже вылезли посмотреть на необычное зрелище, несмотря на то, что солнечный свет был им вреден. Но небо как раз затянула серая хмарь, и они рискнули.

– А вы чего не жрете? – спросил Баттусай, отвлекая Натабуру от воспоминаний.

– Мы хоть и любим свежую кровь, но к гадости иканобори непривычны. Рыбой воняет.

– А к чему вы привычны? – хмыкнул Баттусай.

– Мы китайскими драконами брезгуем. Они нечистые.

– Они лягушек едят.

– А еще жаб.

– И крыс!

Ишь ты, разборчивые, удивился Баттусай, не ожидая такого от хонки.

– Пора, – напомнил учитель Акинобу. – Неровен час, еще один прилетит.

– Мы пошли, – сказал Натабура, – а вы здесь разбирайтесь.

Совершенно случайно он каким-то образом втянул клинок в рукоять, и теперь надо было выяснить, как же действует мшаго. Кровь, которой он был перемазан с головы до ног, стала высыхать и стягивать кожу.

– Слышь... – позвал хонки, по виду сикигами³³, обращаясь к Язаки. Он не мог выйти на белый свет и прятался за опорой моста. – Слышь... если что, мы вам поможем...

---

³² Ая – древнее название Китая.

³³ Сикигами – демон смерти.

– Поможем, поможем, – раздались голоса хонки. Мы здесь посовещались – будем вам помогать. – Неясные, серые лица испуганно выглядывали из норы.

– Как? – оглянувшись, усомнился учитель Акинобу, потому что никогда не слышал, чтобы демоны, какими бы они ни были, помогали людям. Это противоречило их природе и мироустройству в целом.

– Я вижу, у вас каба-хабукадзэ³⁴, – в голосе демона смерти послышалось почтение.

Действительно Язаки до сих пор таскал на груди случайный подарок Бога Яма. Похоже, из-за этого хонки и приняли Язаки за старшего.

– Меня зовут Басаон. Меня здесь все знают. Людям я отродясь ничего плохого не делал. Если что, найдете горшечника Дзигоку, но к нему самому не идите, а во дворе у него постучите в крышку погребка. Там живет мой родственник – Киби Макиби, скажете, что от старика Басаона. А еще покажите это. Он вам поможет. – С этими словами Басаон снял с шеи что-то невидимое и протянул Язаки.

– Что это такое? – удивился Язаки и даже отступил на шаг.

– Кизэ – пропуск в наш мир. Он виден только в темноте. Покажете его, и с вами будут говорить на равных.

– Ладно, давай, – согласился Язаки. – Одним знаком меньше, одним больше.

Хмарь стала рассеиваться, и хонки предпочли дыру в склоне лощины.

Когда Натабура оглянулся, наиболее смелые и неразборчивые из них все же пили кровь иканобори, сгрудившись вокруг, как собаки. Только вот задних ног у них отродясь не было, и картина выглядела жутковатой.

* * *

Река обмелела. Ее можно было перейти, не замочив колен. На другом берегу виднелись ветхие крыши брошенной деревни Тамба. Прежде чем выйти на берег, учитель Акинобу приказал обследовать реку на предмет арабуру. Известно было, что они выставляли секреты в самых неожиданных местах. Натабура выдержал не больше пяти кокой³⁵ – кожу страшно стянуло, а на голове образовался колтун, – нашел место поглубже и залез в воду. Окровавленное кимоно бросил на перекаты и придавил камнями. Вода сама вымоет, решил он, нежась в прохладных струях. Учитель Акинобу больше никого не пустил в реку, приказал наблюдать за противоположным берегом. Только Аффа на собачьих правах присоединился к Натабуре и с удовольствием плавал в запруде, фыркал, а потом стал гонять лягушек, как прежде, когда был щенком, и постепенно приблизился к противоположному берегу. Не успел Натабура его окликнуть, как в кустах что-то шевельнулось и опрометью бросилось прочь. Учитель Акинобу тоже заметил. А Баттусай даже высказался, что точно видел арабуру. Они вдвоем перешагнули реку и пустились догонять. Когда Натабура присоединился к ним, голый, как покойник, они уже держали за руки подростка, а учитель Акинобу вел допрос:

– Ты кто?

Подросток от страха поджал ноги и висел в сильных руках Баттусая.

– Я... я... из деревни, таратиси кими. Только не убивайте!

– Нужен ты нам, – сказал Баттусай и встряхнул его. – Ты лучше рассказывай, кто ты и откуда?

– Да он рыбу ловил, – сказал Язаки, который притопал позже всех, – я видел. А когда нас приметил, то спрятался.

Учитель Акинобу так на него взглянул, что Язаки проглотил язык.

---

³⁴ Каба-хабукадзэ – Черный Знак Ада.

³⁵ Кокой – одна минута.

– Сколько раз тебе было говорено, докладывай обо всех мелочах.

– Так-к-к... ерунда же... сэйса – оправдывался Язаки. – Я же говорю, мальчишка ловил рыбу. Об этом тоже докладывать?

– Обо всем! – как неучу, объяснял Акинобу.

Язаки оглянулся и беспомощно посмотрел на Натабуру, ища поддержки. Он ходил в учениках много лет, но, похоже, мало чему научился. Натабура развел руками – правила есть правила, а Язаки беспечен, как девица на выданье. О чем он думает? Должно быть, о том, что в сумке еще остались рис и курица. Натабуре так и хотелось сказать: «Не витай в облаках, дружище, спустись на землю, будь внимателен. У нас серьезные дела».

– На! – Язаки, как от сердца оторвал, протянул сумку с едой. – Твоя порция! – И отвернулся из гордости, мол, вот я какой: не все сожрал. Натабура съел несколько жменей риса и отдал сумку подростку, заметив его голодный взгляд:

– Ешь. Как зовут-то?

– Митиёри... таратиси кими... – мгновенно набив рот и почему-то всхлипывая, едва вымолвил подросток.

Натабура подумал, что совсем недавно он был таким же желторотым и тоже ничего-ничего не понимал и всего боялся.

– Ты, Митиёри, ешь, потом все расскажешь. Да брось ты его, – сказал Натабура Баттусаю.

– А если сбежит?

– Да куда он не сбежит. В деревне кто есть?

– Не-а-а... – Митиёри набивал рот и глотал даже быстрее, чем мастер этого дела Язаки.

По его лицу текли слезы.

Да и вид у него был хуже некуда – кожа да кости. Кимоно – дыра на дыре. Волосы нечесанные, а самое главное, грязный, как свинья – кожа на ногах в коростах, под ногтями траурная грязь, словно он и не жил на реке.

– Вот что, – сказал учитель Акинобу, стараясь не кривиться. – Ты нас, Митиёри, не бойся. Мы свои. Тоже, можно сказать, голодаем.

– Ага... таратиси кими... – безучастно кивнул Митиёри, пожирая ножку вместе с костями. На зубах у него трещало так, как обычно у Афра, когда он закусывал цыпленком.

– Кто еще с тобой здесь?

– Дед Ваноути. Я ему рыбу ловлю. Только рыбы нет, – Митиёри прекратил жевать. – Можно я деду отнесу, таратиси кими?

– Понятное дело, – согласился учитель Акинобу. – Арабуру все выловили. Сети забрасывают поперек и ловят.

– Так нельзя, – очень серьезно пояснил Митиёри. – Так запрещено.

– Вот я и о том же. Ну, – вздохнул он, – идем к твоему деду.

Хотя подросток действительно казался крестьянским сыном, учитель Акинобу выразительно посмотрел на Натабуру, и тот все понял. К этому моменту голова у него почти не кружилась, он успел одеться в мокрое кимоно и закинуть за спину голубой кусанаги. Баттусай тоже сообразил, и они вместе, да еще Афра, не пошли толпой за учителем Акинобу, Язаки и Митиёри, а отступили по краям и предпочли тропинке не очень густые кусты ивняка. Однако Афра вел себя спокойно, то и дело мышковал, а над зарослями ивняка не кружилось ни единой птицы, что, по идее, свидетельствовало об отсутствии засады.

Предосторожность оказалась излишней: рядом с дедом Митиёри сидели двое ободранных, однако что ни на есть самые настоящих высокопоставленных самурая. Вначале потянуло костром, а затем они всех их и увидели в низине оврага: убеленного сединами старика в холщовом кимоно и самураев в доспехах офицеров. Содэ³⁶ отсутствовали, а фартуки были разо-

---

³⁶ Содэ – наплечный щиток.

рваны до пояса. Во все стороны торчал белый китовый ус. Зеленая шнуровка императорского дома Мангобэй приобрела грязно-болотный цвет.

Баттусай на всякий случай остался сидеть в кустах, а Натабура с Афры вышли, немного помедлив, за учителем и Язаки. Пусть думают, что там еще кто-то остался, решил Натабура, злорадно глядя на одного из самураев, по благородной седине и гордому поставу головы узнав в нем генерала Го-Тоба. Генерал Го-Тоба командовал самой большой императорской шестой армией, которая контролировала восточные и северные районы страны. То, что он находился здесь, свидетельствовало только об одном: этой армии больше не существовало. Значит, арабуру все захватили, подумал Натабура, и боевой дух генерала Го-Тоба заметно подорван. Увидев чужих людей, он не вскочил и не принял оборонительную стойку, а остался безучастным, лишь взглянул на учителя Акинобу. А вот его спутник положил руку на рукоять меча, но выхватить не посмел, должно быть, оттого, что увидел в руках Натабуры мшаго. Если бы он знал, что Натабура не умеет им пользоваться, он бы, наверное, на всякий случай зарубил бы их всех, включая мальчишку Митиёри. Нервничает, понял Натабура. Нервничает.

– Это свои, – сказал дед Митиёри, не удивляясь появлению чужаков, и все успокоились.

Учитель Акинобу присел рядом с костром, и снова Натабура страшно удивился: в кои веки самураи позволяли сидеть рядом с собой простым крестьянам – все-таки это был скрытый вызов уважаемым господам самураям.

– Я вижу, вы ничего не боитесь... – заметил спутник генерала Го-Тоба, кивая на мшаго.

Другой бы на месте Натабуры возгордился. Но он сделал вид, что имеет мшаго – это в порядке вещей и что у них за душой еще кое-что есть. Самое удивительное, что он был недалек от истины, просто не знал об этом.

Митиёри протянул сумку с едой деду, и оба самурая проводили ее взглядом – до их ноздрей донесся сладкий запах съестного. Но попросить из-за гордости они не посмели, а отобрать не решились.

– Не боимся, – кивнул Натабура, хотя по старшинству должен был ответить учитель Акинобу. Но Натабуре так хотелось утереть нос высокородным самураям, что он не удержался, и в итоге заслужил осуждающий взгляд учителя Акинобу. – Мне кажется, вы тоже не в лучшем положении?

В конце концов, кто должен защищать страну? Те, кто имел власть и деньги, а теперь, когда пришло время проявить стойкость, разбежались по кустам. Он ненавидел их за это, за близорукость и жестокость к собственному народу, за лицемерие и жадность.

– Да, – уныло согласился генерал Го-Тоба, – иначе лежали бы вы сейчас в луже крови. – Это Чжэн Чэн-гун! – генерал показал на попутчика.

Несомненно, что таким образом он хотел подчеркнуть собственную значимость. Чжэн Чэн-гун, который до этого только сверкал от ярости глазами, приосанился.

– Слышали о таком, – опять не удержался Натабура. – Лучший фехтовальщик при императоре Мангобэй.

Наступила тишина. Скрытый вызов во фразе Натабуры поняли все, даже Афры, у которого шерсть на загривке встала дыбом, а брыли стали подергиваться.

– Ты намекаешь, собака, что я оставил своего господина?! – надменно и громко спросил Чжэн Чэн-гун.

– Я намекаю только на то, что сказал, сэйса, – насмешливо ответил Натабура.

На этот раз учитель Акинобу не остановил его. Стоит ли, если кто-то желает наколоться на кусанаги Натабуры, к тому же отвлекать бойца в такой момент большая глупость. Дух! Вот всему причина. Дух – вот что важно! Дух – он всегда выведет на правильный путь, спасет и защитит. Акинобу только прикинул траекторию движения катана Чжэн Чэн-гуна и немного подался в сторону, да еще прижал к себе Афры, чтобы тот не мешал, если дело дойдет до схватки. Правда, Натабура нарушил третью заповедь Акинобу: никогда не доводи дело, если

можешь, до схватки, ибо сама схватка – уже проигрыш, потеря контроля над ситуацией. Но, видно, порой бывают исключения.

– Выброси свой веер, и мы сразимся, – свирепея на глаза, произнес Чжэн Чэн-гун.

Волосы у него на голове с треском пробили верхушку шлема и вылезли через тѣхэн³⁷, а борода и усы проткнули полумаску, которая была на нем. Зрачки от бешенства расширились и стали большими и черными, как бездна, а рука, сжимающая рукоять катана, задрожала от напряжения.

Язаки, испытав мгновенный ужас, освободился от содержимого своего желудка. Баттусай в кустах крикнул от досады, полагая, что Натабура не устоит. А Митиѐри зарылся в камыш. Один учитель Акинобу даже глазом не моргнул, ибо видел в этой жизни и не такое. Дед Митиѐри сослепу ничего не понял и поэтому не испугался, а некстати произнес:

– Сейчас рыбки сварим...

– Боюсь, что если я его брошу, ты, ксо, лишишься головы, – очень-очень медленно, растягивая каждое слово, произнес Натабура.

Чжэн Чэн-гун опешил – этот крестьянин с едва заметным, тонким, белым шрамом на лице его совершенно не боялся. Разумеется, он слышал о тех людях из народа, которые бродили по стране и оттачивали мастерство в боях с любым желающим. Но разве он – Чжэн Чэн-гун – любой желающий?! Гордость не позволяла ему общаться на равных с простолюдином. Червь земли, что он понимает? Его удел кормить императора и низко кланяться мне – хозяину и повелителю жизни. Так высокомерно думал Чжэн Чэн-гун за мгновение до своей смерти. Он еще не понял, что времена изменились, что народ как раз, в отличие от верхушки, воспрянул духом, ощутив опасность, когда у них всех появился общий враг – арабуру. Чванство замутило его разум, а великосветские привычки прочно взяли верх, и он не хотел уступить.

Впрочем, если бы он знал, что перед ним не менее знаменитый фехтовальщик, вряд ли бы даже это его остановило. К тому же его противник не был вооружен мечом. А Чжэн Чэн-гун привык убивать крестьян из чувства превосходства. Он даже не вспомнил легенду, по которой все самураи из рода Чэн-гун погибали от таинственного голубого кусанаги. Откуда он мог ведать, что этот катана притаился за спиной обыкновенного крестьянина в грубой пыльной одежде.

Натабура подпрыгнул из положения сидя, потому что Чжэн Чэн-гун ударил катана без замаха, параллельно земле. Если бы удар вышел, верхняя часть Натабуры опала бы на песок, и все было бы кончено, не успев начаться. Без сомнения, Чжэн Чэн-гун владел приемами школы иайдо, но этого было мало даже для простолюдина в рубище.

Натабура мог бы убить Чжэн Чэн-гун еще до удара – годзука готов был прыгнуть в ладонь. Удар в темечко. В ухо. В горло. Да куда угодно: например, под нос, чтобы вызвать обильное кровотечение. Но пустое благородство взяло верх – Натабура дал противнику шанс, чтобы потом не было разговоров о коварстве пришлых монахов. По сути, он был еще слишком молод для принятия взвешенных решений, но достаточно опытен для столь ответственного поединка. Чжэн Чэн-гун, не делая паузы, нанес еще несколько рубящих ударов камасѐрнэ³⁸ в надежде, что один из них окажется смертельным. Запахло окалиной. Как опытный фехтовальщик, он даже применил синоги ваэ – удар с расчетом, чтобы обойти цуба³⁹ и поразить кисть руки. Для этого требовалось поставить свой меч таким образом, чтобы он скользнул под определенным углом по мечу противника. Но Натабура в момент удара не принял всю его силу на клинок, а всего лишь отвернул меч Чжэн Чэн-гун совсем немного в сторону, и лезвие клинка скользнуло мимо.

---

³⁷ Тѣхэн – отверстие на вершине шлема, которое называлось «дыра для дыхания».

³⁸ Камасѐрнэ – косой ударом через плечо.

³⁹ Цуба – гарда меча.

Натабура опережал Чжэн Чэн-гун. Это сразу стало ясно обоим. По привычке в момент удара он оказывал на рукоять давление всей пятерней левой руки, особенно безымянным пальцем и мизинцем на кончик рукояти, что придавало кассаки⁴⁰ высочайшую скорость, и кусанаги рассекал воздух со свистом.

Чжэн Чэн-гун уже сообразил, что здесь что-то не так, и всеми способами стремился подавить противника. Его катана был подобен лучу солнца и свисту ветра одновременно. К тому же Чжэн Чэн-гун спешил, пытаясь не дать Натабуре обнажить огненный катана. Впрочем, голубой кусанаги уже явился всеобщему взору, однако в суматохе никто ничего не понял, и несколько ударов Натабура с легкостью отбил тыльной стороной кусанаги, не предпринимая активных действий, внимательно следя за глазами противника, в которых сквозила даже не ярость, а безумие. А когда ему это надоело, остановился, упершись в землю, и сделал то, что называется коёсэ⁴¹ – почти не прикоснувшись, отбросил Чжэн Чэн-гун так, что он задом въехал в камыш и упал. В доспехах он был слишком тяжел для реального боя. Воспитанный в лучших традициях придворного этикета, он дрался только с себе подобными, подавляя своим именем и чином, не утруждая себя ежедневными тренировками и сатори⁴². Жирная еда, вино, женщины и бессонные ночи сделали свое дело. Его сердце и мышцы не были приспособлены для длительных нагрузок, а основным оружием служила всего лишь неукротимая ярость и чванство. Надо учитывать, что Чжэн Чэн-гун был на двенадцать лет старше Натабуры и, как все китайцы, к этому возрасту обзавелся тремя складками жира на животе. Это давало силу, но лишало ловкости, и с каждым лишним мгновением боя она словно уходила в землю.

Сообразив, что так ничего не получится, Чжэн Чэн-гун решил применить хитрость: он бросился на противника, выставив перед собой катана и вакидзаси, словно пики. Девяносто девять раз этот прием приводил к тому, что противник оказывался на земле с пробитой грудью и сломанным позвоночником, на сотый раз Чжэн Чэн-гун добился лишь того, что сам влетел в костер, разбросав его во все стороны, и принялся в бешенстве рубить камыш и рыбацкую хижину деда Митиёри, выкрикивая проклятия.

– Ку-ку! – позвал Натабура. – Я здесь!

Чжэн Чэн-гун повернулся в его сторону. Наконец он увидел в руках Натабуры злополучный голубой кусанаги и все понял, но не пожелал подчиниться судьбе, ибо был безмерно тщеславным. Глаза его стали красными, что предшествовало размягчению мозгов. Безумный крик родился в его глотке: «Бу-ккоросу!»⁴³ Вдруг он зашатался, упал, изо рта ударил фонтан крови. Через мгновение самурай был мертв. Все сгрудились вокруг него.

– Этого следовало ожидать, – философски заметил генерал Го-Тоба. – После сражения Чжэн Чэн-гун стал сам не свой. Его сердце не вынесло стыда за поражение.

– Что вы надумали, генерал? – спросил учитель Акинобу, когда фехтовальщика Чжэн Чэн-гун оттащили в кусты и дед Митиёри, подбросив в костер сучьев, поставил вариться то, что сумел наловить внук.

– Сниму доспехи, зарю меч и останусь сидеть здесь. «Не делай ничего и таким образом достигнешь всего», – процитировал он изречение Будды.

– По крайней мере, честно, – очень серьезно заметил Акинобу.

Конечно, можно было намекнуть, что борьба только начинается, что они для этого и пришли в столицу Мира. Но разве гусь свинье товарищ: генерал потребует войско и благополучно угробит его в первом же сражении. Нет, теперь надо полагаться только на себя и верить только в себя и в своих друзей.

---

⁴⁰ Кассаки – кончик катана.

⁴¹ Коёсэ – колесо, закручивание двумя руками кисти противника, используя силу инерции движения.

⁴² Сатори – просветление в дзэн, покой, без сатори нет дзэна.

⁴³ Бу-ккоросу – «Убью!»

Баттусай кивнул в знак согласия со словами учителя. Натабура понимающе улыбнулся – ему хотелось посмеяться над генералом Го-Тоба, как совсем недавно он посмеялся над великим фехтовальщиком Чжэн Чэн-гун, но пришлось сдержаться, ибо негоже еще раз унижать побитую собаку. Одному Язаки было все равно, что думает генерал Го-Тоба. Да еще Афра, который лишь едва на треть понимал речь людей. Ему всегда нравилось находиться рядом с хозяином, о другом он и не мечтал, ну, может быть, самую малость – о сахарной косточке.

* * *

День клонился к закату. По багровому небу плыли длинные, как драконы, тучи. На груди Язаки стал светиться кизэ. Со стороны Киото доносились странные звуки: то ли гром, то ли там шло грандиозное сражение, то ли невидимый великан разрушал город. Афра то и дело отвлекался и, наострив уши, смотрел в сторону города, а потом снова с вдохновением принимался за старую кость, которую нашел в кустах. Баттусай спал под дерюгой, экономя силы – он, как бывалый солдат, заваливался при любом удобном случае. Учитель Акинобу и генерал Го-Тоба тихо беседовали, признав друг в друге родственные души. Митиёри и его дед копошились в хижине.

Вдруг Язаки что-то воровато достал из-за пазухи:

– Вот, что у меня есть!

– Ну?.. – Натабура приподнялся на локте.

Он уже дремал, вспоминая дом и Юку. Язаки чем-то щелкнул, и из круглого и плоского вылезли иглы, поверх которых пробежали голубоватые искры. И запахло странно – как перед дождем.

– Ежик, – тут же с некоторой опаской окрестил Натабура.

– Ежик! Оро?! – вдруг хихикнул Язаки. – Майдара⁴⁴, а не ежик!

– Майдара, так майдара, – согласился Натабура.

– Только непонятно, для чего, – горестно вздохнул Язаки.

– Что тут непонятного?! – удивился Натабура и осторожно провел рукой, не касаясь.

Искры, треща, посыпались во все стороны. Пахнуло дождем. – Ежик, он и есть ежик... только для чего?

– Вот я о том же, – с горестью вздохнул Язаки и спрятал майдара за пазуху.

Ему нравились искры, которые собирались на кончиках игл.

– погоди, погоди, – оживился Натабура. – Давай разберемся. Чего ты его прячешь?

– Это мой ежик! – уперся Язаки.

– Да твой, твой. Покажи.

Язаки достал и со вздохом протянул.

– Ну? – он следил за каждым движением Натабуры, как если бы опасался за свою находку.

– Вот что, – произнес Натабура с видом знатока, – вещь эта ценная. Не у каждого есть...

– Ясное дело, – напряженно кивнул Язаки.

Лицо его с застывшими глазами выражало досаду. Он уже жалел, что доверился другу, и нюхом ощущал, что поступил глупо, но не знал, в чем прокололся.

– Покажем генералу, – поднялся Натабура.

Язаки издал странный звук:

– Э-к-к-к... – и двинулся следом, следя за ежиком – как бы тот не пропал в самом деле.

Как только Натабура сунул под нос генералу Го-Тоба ежика, его словно ветром сдуло. И все с удивлением слушали, как за убегающим генералом трещит камыш.

---

⁴⁴ Майдара – мохнатка.

– Вот?.. – удивился Натабура и с испугом уставился на ежика, а потом снова на камыш. – Чего он испугался?

У Язаки не было слов. Он забыл закрыть рот и не мог издать ни звука. Что же я такое нашел? – лихорадочно соображал он, тихо злорадствуя.

– Генерал покинул нас, – констатировал учитель Акинобу. – Чем вы его напугали?

– Вот... – Натабура вытянул ладонь, на которой лежал злополучный ежик. В его иголках вспыхивали голубые искры.

– Хитрецы, – весело и одновременно с укоризной сказал учитель Акинобу. – Вам бы в императорских советниках ходить.

– Конечно, – дипломатично согласился Натабура. – Только я ничего не пойму.

– А что понимать, – как в разговоре с неразумными детьми, вздохнул учитель Акинобу. – Чего понимать-то? Ежик это! Ежик!

– Ну и?.. – осмелился проявить туповатость Натабура.

– Ежик – эта такая штука... которая...

– Ну да... – неназойливо подсказал Натабура.

– Подожди, ты меня не сбивай, – оборвал его учитель Акинобу, и глаза его под сердито нахмуренными бровями насмешливо блеснули. – Это то, что описано у...

– Точно! – вспомнил Натабура. – У Платона!

– Да! – согласился учитель Акинобу. – Атлантида! Энергия в чистом виде. Говорят, что из иголок брызжут искры и всех, всех, всех убивают. Только таких штук нужно как минимум три.

– Так что он тогда испугался? – кивнул на кусты Натабура.

– А он не знал, – не удержался и хихикнул учитель Акинобу, – генералы, они все такие.

– Отдай! – потребовал Язаки. – Я еще две штуки найду, и мы им покажем, – он многозначительно посмотрел в сторону столицы, откуда гроыхало.

– Да, спрячьте, – согласился учитель Акинобу. – Пригодится. Ты с огненным катана разобрался? – спросил он у Натабуры.

– Нет еще, сэйса.

– Ну так разберись. Это пока нужнее. А ежик – штука бесполезная, если она одна.

– Ладно, – согласился Натабура.

– Нет, не ладно.

И Натабура понял, что сейчас ему будет преподан урок логики.

– Я утверждаю, что сказанное мной – ложно!

– Нет, так не может быть, – не согласился Натабура.

– Ну хорошо. Тогда получается, что если я сказал истину, то она все равно ложна.

– Ложна, – согласился Натабура.

– А если она ложна, то согласно смыслу моей фразы, что она не ложна, и в силу вступает закон исключяющего третьего, то есть она истинна.

– Да, сэйса, – кивнул Натабура, сбитый с толку.

– А это значит, что мое высказывание о ежике может быть одновременно ложно и не ложно.

– Здорово, сэйса! – согласился Натабура.

– Ну идите, – Акинобу остался довольным.

Они вернулись к костру и стали вертеть в руках мшаго. Тяжелая была вещица. По объему небольшая, но тяжелая – даже для веера. Правильно, подумал Натабура. Рукоять и должна быть тяжелой, ведь луч ничего не весит. Таким мечом не особенно и порубаешь – руку вывихнешь, а тяжелая рукоять уравнивает. Но все равно получается, что мшаго не сбалансирован. Как же им драться? Одно дело распороть брюхо иканобори, а другое дело помериться силой с арабуру, тоже вооруженным мшаго.

– Ты вот эту штуку крутани, – посоветовал Язаки.

Штукой он назвал то, что в рукояти катана именовалось касирой. Натабура покрутил ее. Касира три раза щелкнула, но ничего не произошло. Зато, там где должен быть клин мэкуги, наличествовала кнопка. Натабура нажал на нее, и произошло следующее: веер мгновенно свернулся, а вместо него из рукояти выскочил луч, но не бордовый, а чисто белый. Мшаго тихо загудел, казалось, он ищет противника, в которого можно впиться и выпустить кишки.

– Хоп!.. – с восторгом воскликнул Натабура.

Язаки, выпучив глаза, произнес:

– Ух, ты-ы-ы...

Натабура покрутил касира – цвет луча поменялся на желтый, затем стал бордовым.

– Понял? – спросил Натабура, ничего не поняв.

– Понять-то я понял, – чуть-чуть оторопело, согласился Язаки, – но зачем три цвета?

– Не знаю, – честно ответил Натабура.

Он так же, как и Язаки, испытывал почти детский восторг. С Язаки не надо было хитрить. Язаки был просто другом. Он был ясен, как яблоко на ладони, немного с фанфаронством, с бахвальством. Ну иногда врал от восторга, но без злого умысла, по-мальчишечьи глуповато, а в общем-то, безобидно, просто от избытка молодости.

– Это для того, чтобы с разными противниками драться, – показав один глаз из-под дерюги, объяснил Баттусай. – Бордовый – он против железа, а самый светлый и человека запросто возьмет.

– Откуда ты знаешь? – живо сверкнул глазами Язаки.

– Видел... – проворчал Баттусай, переворачиваясь на бок.

Ну не нравился ему Язаки, не нравился. Больше его ничего не интересовало. Он знал, что Натабура и учитель Акинобу все сделают правильно и что можно спокойно спать до самого рассвета.

* * *

Утро наступило как всегда росистое и холодное. Натабура проснулся оттого, что Афра положил ему морду на грудь – мол, вставай, хватит валяться. Еще не открыв глаз, Натабура почесал пса за ухом, и у того внутри что-то ожило и запело.

На все лады звенели комары, паутина меж кустов сверкала каплями влаги. Солнце вставало прямо из-за травы и сквозь туман казалось желтым мохнатым шаром.

Натабура легко поднялся и потянулся. Оказывается, все уже собрались: Язаки был бы не Язаки, если бы не крутился возле умирающего костра, где пахло жареной рыбой, и даже генерал Го-Тоба сменил доспехи на ветхое кимоно деда Митиёри.

– Нет, так не пойдет, – сказал Акинобу. – Меч придется оставить. Возьмите только танто⁴⁵. Да и то не советую.

– Почему?

– В нашем положении самая бесполезная штука, как зубочистка для слона.

– Без меча я не могу! – уперся генерал Го-Тоба, наклонив вперед седую голову и глядя на Акинобу исподлобья.

Акинобу только пожал плечами, говоря всем видом, что генералу придется подчиниться, ибо в лучшем случае он дойдет до первого поста арабуру и всех подведет.

– Стоит ли объяснять, какое у них оружие? – учитель Акинобу невольно мотнул головой в сторону Киото, где обосновались иноземцы, а еще он поднял палец вверх, тем самым призывая генерала одуматься.

---

⁴⁵ Танто – нож.

Генерал Го-Тоба воинственно выпятил грудь.

– Еще никто! Слышите! Никто не смел усомниться в моей силе, – он нарочно звякнул мечом.

Идиот! – подумал Натабура и не стал дожидаться, чем кончится спор, а пошел к реке умыться. Генерал нарывался. А так и будет. Он не знал божественный смысл, который пытался объяснить ему Акинобу. Ему еще повезло, что учитель Акинобу терпелив, как Будда. Акинобу пришлось прибегнуть к словам, иначе бы все кончилось плачевно. Куда он денется? – хмыкнул Натабура, зная нрав учителя. Несомненно одно, генерал не имел понятия о дзэн, а руководствовался умозрительностью – не самое лучшее свойство ума в нашем опасном деле.

Арабуру выдали яркие перья, которые колыхались над тростником по ту сторону реки. Отсюда хорошо было слышно, как пререкается упрямый генерал и как звякает его меч. Должно быть, арабуру соображали, что к чему, перед тем как что-либо предпринять.

Придерживая Афру за шкуру на холке, Натабура отступил к хижине деда Митиёри.

– Арабуру! – шепотом сообщил он, и все присели, с опаской взглянув на утреннее небо, которое было голубым и веселым, только далеко на севере привычно стлались тонкие, перистые облака, предвещающая ветер. Там, как всегда, дымил Фудзияма. Должно быть, он тоже возмущался вторжением арабуру.

Лицо генерала Го-Тоба приобрело бордовый цвет, но своего катана он не бросил, а вцепился в него так, словно это была последняя соломинка или последний рубеж, дальше которого генерал отступать не хотел.

Акинобу его пожалел.

– Уходим! – скомандовал он, и все, включая деда Митиёри, побежали вдоль оврага, который примерно через коку⁴⁶ вывел их к полю гаоляна⁴⁷ с другой стороны деревни.

Натабура с Афрой по привычке шли первыми. За ними шагах в десяти беззвучно двигался Баттусай. Рыжие метелки гаоляна скрадывали горизонт, да и Афрой сплеховал, заворчал в самый последний момент – когда Натабура нос к носу столкнулся с драконом.

Иканобори, должно быть, с ночи сидел в засаде и уснул, потому что спросонья сам испугался, и в первый момент у Натабуры был шанс убить его даже кусанаги. Но все произошло так неожиданно, что Натабура упустил момент, а потом иканобори поднял морду и, отступая, зашипел, как испуганная змея. Благо, Натабуре хватило сообразительности придержать Афру, который сразу ринулся в атаку. В следующее мгновение произошло то, что можно было назвать чудом: иканобори принялся и повел себя с Натабурой, как со старым знакомым. Глаза его сделались дружескими, даже сонными, он снова опустил морду на лапы и, моргнув большими глазами, уснул.

Сзади зашуршал гаолян: Баттусай, не веря самому себе, застыл, как придорожный столб. На него-то и среагировали все остальные. Вначале Натабура увидел испуганные глаза учителя, затем одуревшие глаза ничего не понимающего Язаки и даже генеральский колючий взгляд. Учитель Акинобу всех повел в обход – должно быть, крайне осторожно, потому что Натабура больше не услышал ни шороха, ни дыхания, ни даже крика потревоженной пичужки. Все было тихо, только по-прежнему шелестел гаолян и качались его выгоревшие на солнце метелки. Последним отступил Баттусай.

Только тогда Натабура что-то сообразил. Он понюхал сгиб руки и нашел, что его собственная кожа пахнет точно так же, как и иканобори. Ну да, действительно, мы же с Афрой вывалились в его крови и кишках, вспомнил Натабура, обходя дракона стороной.

Напоследок иканобори открыл глаз и проводил их взором, доверчиво, как старая собака хозяина. Натабура и теперь мог убить его ударом кусанаги. Однако это было бы как-то подло,

---

⁴⁶ Коку – полчаса.

⁴⁷ Гаолян – сорго.

нехорошо, не по-людски – воспользоваться преимуществом человека над глупым животным, и Натабура опустил меч.

И только когда они отошли с десяток шагов, он вытер со лба обильный пот и понял, что стал мокрым, как после купания. А Афра беспрестанно оглядывался и ворчал: «Р-р-р...»

«Фу-у-у...» – только обессилено произнес Натабура и оглянулся: бок иканобори торчал над рыжими метелками гаоляна, как огромный-преогромный валун. Повезло, решил Натабура. Повезло.

Но надо было спешить, потому что они ступили на окраину столицы Мира – в самый бедный и захудалый квартал Хидзи на юго-востоке от Яшмового дворца, квартал кожедеров и кожевников. И не узнали окрестности: все заросло, дороги завалило сушняком. Они дошли аж до площади Ся, где кожу вымачивали и мяли в огромных ямах, выдолбленных в земле. Но даже тошнотворный запах, который в былые времена властвовал над этим местом, давно улетучился, и только Афра, решивший покопаться в куче мусора, поднял ядовитое облако желто-зеленого цвета. Натабура на него цыкнул, и он долго с удивлением смотрел на хозяина круглыми карими глазами, не понимая, за что его одернули.

Кров они нашли в доме, заросший крапивой по самую прохудившуюся крышу, и стали держать совет. Выходило, что дело дрянь: соваться толпой в центр столицы было неразумно.

– Ясное дело, – многозначительно поддакнул дед Митиёри.

Шустрый был у Митиёри дед: с одним единственным черным зубом во рту, сухонький, легонький, как паучок, с седыми волосами, торчащими во все стороны, и в меру злой.

Учитель Акинобу посмотрел на него. Дед и его внук явно мешали. Но бросить их было нельзя, потому что они могли всех выдать. Да и генерал, как волк, косился в сторону, того и гляди, кинется воевать в одиночку из-за своей гордыни.

– Я вам сразу же сказал, что в Киото соваться опасно! – заявил дед Митиёри.

Голос у него был надтреснутый, и Натабуре казалось, что дед вот-вот уйдет в область за Луной.

– Да, опасно, – согласился Акинобу. – Только в чем опасность?

– Как в чем?! Как в чем?! – вскипел дед Митиёри. – А энти?!!

– Кто энти? – учитель Акинобу решил прощупать деда. – Впрочем, люби Будду и поступай, как хочешь.

– Ты постой, постой, – понимающе ухмыльнулся дед. – Ты думаешь, что все понимаешь? Ты еще пешком под стол ходил, когда я поставлял в Яшмовый дворец шелк. Я здесь все дороги знаю. Потом энти самые летают...

Казалось, последний аргумент был самым весомым. Учитель Акинобу задумчиво помолчал и вдруг сказал:

– С тобой пойдет... – он посмотрел на всех по очереди, даже на строптивного генерала.

Никто не возражал.

Дед Митиёри обрадовался и хлопнул в ладоши:

– Вот это дело! Я вас куда хошь приведу!

Ой ли? – едва не усомнился Натабура и решил, что учитель выберет ему в помощники ловкого и сильного Баттусая, но Акинобу указал на Язаки.

– Язаки!

Из каких соображений он выбрал Язаки, Натабура так и не понял. Должно быть, Баттусай нужен Акинобу, чтобы, если понадобится, урезонить генерала Го-Тоба или еще для чего-то. Еще больше он его удивил тем, что отправил с ними деда Митиёри. Для маскировки, решил Натабура, и ошибся.

– Там, где молодому лень, старому есть пень, на котором можно подумать, – напутствовал их Акинобу.

Натабура даже немного обиделся. Разве я когда-нибудь подводил? – хотел возразить он, но в последний момент передумал. Вдруг учитель предвидит то, что мне еще не ведомо? Должно быть, я чего-то не понимаю.

– Дед, тебя как зовут? – спросил он, когда они отошли и крапива плотной стеной сомкнулась за ними: вот был дом позади – и нет дома.

– Меня-то? – нервно переспросил дед. – Ваноути. А что?

– Да ничего. Это не тот Ваноути?..

– Не тот, – перебил его дед.

Натабура ухмыльнулся, но не успокоился:

– Ваноути? Постой, постой, Ваноути, который прилюдно был порот на площади Цуэ⁴⁸ в день седьмой луны пятого года Рокухара?⁴⁹

– Ну... – Ваноути на мгновение смутился. – Я.

– Лицезрел я твою голую задницу, – сказал Натабура и засмеялся.

Ваноути обиделся:

– Кто много смеется, тот мало видит!

– Ох-ох! – не мог упокоиться Натабура, хватаясь за бока.

Ваноути притопнул невесомой ножкой и заорал:

– Синдзимаэ!

– Ох-ох! – смеялся Натабура, вытирая слезы.

Даже Афра улыбнулся, показывая резцы. Язаки же из-за почтения к возрасту деда не подавал вида, что ему тоже смешно – уж очень потешно злился Ваноути.

– Бака!⁵⁰ – орал Ваноути.

Его седые космы стали топорщиться, как у самого злого демона смерти, а черные, как угли глаза, метали молнии. Афра перестал улыбаться, покосился на деда и заворчал. Не любил он ничего необычного.

– Ладно, – сказал Натабура, немного успокаиваясь, – я пошутил.

– Шутить надо умеючи! – отрезал Ваноути и независимо пошел впереди всех.

Как известно, на площади Цуэ, перед храмом Каварабуки, в назидание пороли не государственных преступников, а всего лишь проштрафившихся рядовых граждан, и обычно это мероприятие считалось развлечением для жителей города Киото. Сам Натабура тогда был очень молод, все ему было дивным в столице, а этот эпизод особенно запомнился. Вина Ваноути заключалась в том, что он заигрывал с наложницами самого императора в тот момент, когда они в сопровождении «теток» являлись в его лавку за покупками. Вмешательство суда в такого рода преступлениях не предусматривалось. Достаточно было слова начальника охраны. Ваноути выпороли и запретили торговать и появляться в городе. С тех пор, похоже, он и жил в деревне. Но кому там нужен заморский шелк?

---

⁴⁸ Цуэ – площадь белого посоха.

⁴⁹ День седьмой луны пятого года Рокухара – 1191 год.

⁵⁰ Бака – дурак.

Глава 2

Императорский лес

– Сейчас. Сейчас я вас, сердешных, всех выведу. Я здесь все знаю, – злобно бормотал Ваноути, что-то близоруко выискивая в траве, как ину⁵¹, – где-то здесь... где-то здесь... сотни раз ходил ведь... О, Хатиман!

Они вскорости действительно ступили на желтую императорскую дорогу, которая вела прямо к Яшмовому и Нефритовому дворцам. Но это только так казалось. Под ногами скрипели песчинки, и жесткие сухие травы хлестали по рукам. Нехоженными стали дороги и тропы, давно нехоженными.

Сам Натабура, как и прежде, не узнавал мест, хотя бывал в столице достаточно часто в те времена, когда они с учителем Акинобу бродили по стране из монастыря в монастырь. С тех пор минуло много лет. Так много, что Натабура и вспомнить не мог: то ли пять, то ли целых восемь. А может, и больше. Путался он в цифрах и никак не мог сообразить. Нет, должно быть, лет семь минуло, думал он, глядя на вековые деревья в окружении молодой поросли, которая скрадывала окрестности, делая их незнакомыми и таинственными, и там, где они вчетвером прошли дорогу за коку, им казалось, что они топчутся на месте целую стражу⁵². Последний раз он был в Киото два года назад. Но тогда ему было не до красот столицы Мира, потому что он искал Юку, а потом участвовал в государственном перевороте. Мало кто из тех людей выжил. Большинство из них в течение года настигла химицу сосики⁵³ и во имя закона заставила сделать сэппуку⁵⁴. Стало быть, их всех с легкостью предал император Мангобэй. Но никто не упомянул ни Натабуры, ни учителя Акинобу, ни Язаки, ни тем более капитана Го-Данго. Поговаривали, правда, о какой-то волшебной собаке, помогавшей бунтовщикам. Но разве собаку будут искать? Да и не до собаки потом было, потому что появились эти самые арабуру и трон под императором Мангобэй зашатался.

Заросшая травой желтая императорская дорога нырнула под кроны леса, и сразу же сделалось душно и парко – чувствовалось близость рек Ёда и Окигаву, которые сливались в центре столицы, образуя широкую и полноводную Канаю. Лучи солнца плясали и вверху, и на листьях подлеска, и на кустах, путались в траве, и для непривычного глаза казалось, что все вокруг движется, заманивает и туда, и сюда, и ведет, чтобы закружить в чаще, известить, уничтожить, растворить и сделать частью себя. Как хорошо все начиналось, почему-то с сожалением думал Натабура, вспоминая Юку. Вовсю зудели комары и злобно кусались большие желто-оранжевые мухи. Афра прятался от них под папоротник и зарывался в иголки. От этого его желтая морда очень быстро стала походить на рассерженного ежа. А еще Афра фыркал и чесался, как шелудивый.

Натабура напоследок оглянулся, чтобы запомнить дорогу назад, но уже ничего, абсолютно ничего не было видно, кроме моря зелени и игры солнечных бликов. Ничто не говорило и о том, что они находятся в центре столицы Мира. Язаки тоже заволновался и поглядывал на него, впрочем, полагаясь во всем на друга. Он знал, что Натабура хорошо ориентируется по сторонам света, а если есть солнце, то это легко делать. Я и сам могу, думал он. Солнце слева – чего еще надо. Значит, когда будем возвращаться, оно будет светить справа или в спину. Он успокоился и даже с облегчением вздохнул, хотя, конечно, расслабляться не следовало, ибо за

---

⁵¹ Ину – собака.

⁵² Стража – два часа.

⁵³ Химицу сосики – тайная императорская служба сыска, Тайный сыск.

⁵⁴ Сэппуку – харакири.

каждым кустом могла быть засада. И первые несколько коку шел настороженно, как по болоту, смотрел, куда ставить ногу, полагая, что именно в таких местах прячутся онрё⁵⁵, избавиться от которых еще никто не мог, но постепенно болтовня Ванути отвлекла его.

– Я как сейчас помню, – врал дед, – как мы штурмовали ущелье Курикара.

Курикара, Курикара? – когда же это было. Давно, еще до меня, вспомнил Натабура, я слышал только рассказы бывалых воинов.

– Дед, ты что, был самураем? – спросил Натабура.

Это отвлекло его от липкого, как наваждение, предчувствия чего-то нехорошего. При Курикара погибли лучшие буси. Это ли не печальные воспоминания? Может быть, поэтому мне так тяжело? – подумал Натабура. Их раздавило стадо буйволов. Не тогда ли были заложены условия гибели дома Тайра? Слишком много самураев погибло. Слишком много.

– Почему был? – удивился Ванути. – Я и сейчас самурай!

– Охотно верю, – согласился Натабура. – Сколько же тебе тогда лет? Сто или двести?

– Сто пять!

– Сто пять... – как эхо повторил Язаки.

– Ага... – только и произнес пораженный Натабура. Он хотел спросить что-то такое: «Как же ты ходишь?» Или: «Почему ты еще не рассыпался?» Но вместо этого произнес: – За кого ж ты воевал? – ибо это было существенней.

– Известное дело, за кого! За господина Минамото! – и Ванути даже приосанился и колесом выпятил сухонькую грудь. При этом в его черных, как угли, глазах мелькнула былая удадь.

– Ага! – еще более изумился Натабура.

Вот в чем причина. Он вполне мог быть убийцей кого-то из моей родни, подумал он, но не испытал никакого гнева. Не было гнева – одно безразличие к прошлому, ведь настоящее совсем другое и враги другие, а проблемы новые.

– Ну и что там, в ущелье? – нетерпеливо спросил Язаки, который вовсе не подозревал, о чем думает Натабура. К тому же он решил, что Ванути большая фигура, раз остался живым.

– Как чего? – переспросил Ванути таким тоном, словно только глупый мог задать подобный вопрос. – Всех и положили до единого.

– Да, много там было наших, – согласился Натабура, смиряясь с очевидностью.

Он вспомнил, как сам бился в последнем морском сражении и как его выбросило море на берег удивительной страны Чу.

– Я им кричу: «Не так, не так! Вяжите солому к рогам!»

– Ну?... – спросил Язаки. – А зачем солома?

Ванути глянул на него, как на дикаря:

– Зажгли и пустили с горы целое стадо. А придумал все это я! Я ведь с детства с коровами возился.

– Да ты что?! – изумился Язаки. – Ну ты, дед, даешь! Ты герой!

– Никакой я не герой, – скис вдруг Ванути. – Герои, они вон по городам живут в сытости и тепле, а не мыкаются в старости в ветхой хижине. Да теперь уже все равно, чего жалеть.

И они остановились. Дорога пропала. Только что была под ногами, и вдруг – нет. Да и лес поменялся: вместо разлапистых дубов и язей сплошной стеной темнели стволы гёдзя⁵⁶. Солнечный свет впитывался в ее кору, ничего нельзя было толком разглядеть.

Вместо ровной поверхности возникли какие-то холмы, усыпанные иголками. А воздух стал смолистым и таким густым, что двигаться в нем приходилось с заметным усилием. Началось, невольно подумал Натабура. Сейчас полезут хонки, хотя слово давали помогать. Хонки

---

⁵⁵ Онрё – души безвинно убиенных.

⁵⁶ Гёдзя – черная сосна.

всегда селились в таких местах. Но он ошибся – лес на удивление оказался пустой, без духов и демонов, что было удивительно.

– А где река? – с беспокойством спросил Язаки и оглянулся на друга.

– Река? – переспросил Натабура, думая о своем. – Откуда я знаю. Была река. Дед, где река?

– Была, – покорно согласился Ванути. – А теперь нет.

В его словах слышалась какая-то странная подоплека происходящего, которую дед чувствовал, но не мог выразить. Все это можно было отнести на старческую забывчивость, если бы не ситуация, в которой они находились. Действительно, подумал Натабура, а куда делись озера, в которых плавали глупые, сонные караси, где горбатые мостики в зарослях декоративного тростника с бордовыми головками? Где все это? Где острова, на которых стояли императорские золоченые беседки и качели? А храмы? Где эти маленькие уютные здания с зеркалами внутри, у которых при входе вечерами зажигались бумажные фонарики? Где? Я даже помню, как здесь звучала музыка и танцевали люди. Вместо этого непонятные холмы, усыпанные сосновыми иголками, ямы, канавы, словно здесь кто-то искал сокровища, все заброшенное, забытое, незатейливо обихоженное природой. Слишком все хорошо, думал он. А так не бывает, и до столицы дошли, и с арабуру играючи расправились.

Задумавшись, он ткнулся в замершего Язаки. Ванути тоже словно врос в землю. Даже никогда не унывающий Афра и тот смутился и спрятался за Натабуру.

Перед ними чернела рыхлая выворотня. Она находилась как раз меж холмов, и легкий дым, нет, скорее, не дым, а странная копоть, словно нагретая солнцем или внутренним жаром земли, хлопьями поднималась к вершинам гёдзя и растворялась в голубом небе. А еще одуряюще пахло лесной земляникой – так сильно, что слегка кружилась голова. При чем здесь земляника? – успел подумать Натабура и вдруг заметил, что черный столб качнулся в их сторону и принес с собой густую волну земляничного запаха. Он едва не присел. Нет, не может быть, подумал он. Неужели это оно? Разве это заколдованный лес? Это всего лишь старый, заросший императорский парк, и сейчас мы выйдем с другой его стороны, найдем капитана Го-Данго и все узнаем, узнаем, зачем он нас вызывал, и что готовится, и будем ли мы воевать, хотя в последнем даже сомневаться не приходится.

– А пахнет-то, пахнет... – прошептал Язаки и пошел, пошел словно замороженный на зов. Натабура едва успел схватить его за руку:

– Стой!

– Уйди! – Язаки вырвался.

– Да стой же! – Натабура уже крепко держал его.

– Ксо! – Но Натабура схватил его за талию.

Силен был Язаки, и они несколько мгновений боролись на краю черной выворотни, в которой шевелилась земля. Потом Натабура сделал то, что никогда бы не сделал с другом: резкий удар в шею лишил Язаки сил, и он упал на колени, закашлялся до хрипоты, но все равно пытался ползти. Одной рукой он даже коснулся копоти. У Натабуры не было времени, чтобы посмотреть на последствия этого поступка, да и он боялся это сделать, а только оттащивал Язаки в сторону.

Вдруг Ванути, который до этого спокойно стоял у сосны, произнес загробным голосом.

– Я тоже люблю лесной запах... не надо... не надо... проявлять малодушие, – и сделал шаг к поляне.

– Стой! – Натабура изловчился и схватил и деда.

Дед взглянул на него бессмысленными, как у пьяного, глазами:

– Каждый человек пытается найти оправдание, чтобы жить! – выдал он, рванулся и оставил в руке Натабуры клочок ветхой ткани кимоно.

Натабура отбросил Язаки подальше и дернул Ванути за ногу. Легок был дед Ванути и поэтому отлетел к подножию холму, как сучок, а толстый слой хвои смягчил падение. После этого Натабура занялся Язаки, который, как червяк, упорно полз к черной выворотне. Он взвалил друга на спину и потащил прочь. Хорошо еще, что Афра был послушным и никуда не совался, а то у Натабуры не хватило бы сил справиться со всеми.

– Идем, – Натабура взглянул в умные глаза Афра, – охраняй нас, охраняй!

Афра все сообразил. Шерсть на загривке у него встала дыбом, в горле родилось тихое ворчание, и он заходил, заходил вокруг, выискивая противника и одновременно не спуская с хозяина взгляда. Затем взлетел, сделал круг над соснами и опустился рядом. По его реакции Натабура понял, что ничего им пока не угрожает, кроме выворотни.

Отступили они в лучших традициях дзэн, ибо обстоятельства требовали податливости, внутренней стойкости, а не упрямства. Взорвались на холм, поросшим соснами, кустарником и бурными поганками, и огляделись: со всех сторон чернели рыхлые выворотни. И здесь, и здесь, и там – на соседней поляне, и еще дальше – между холмами, и даже позади, где, по идее, их и не должно было быть – вдоль тропинок, а стало, вроде бы, даже больше.

– Оро?! – воскликнул пораженный Ванути.

– Вот-вот, и я о том же... – произнес Натабура, укоряя его в том, что они попали в такое место. Ведь обещал же вывести. Обещал, а привел в какое-то гиблое место, где даже иканобори не летают.

Действительно, за все время они не видели ни одного пятипалого дракона. Было чему удивляться, ибо драконы арабуру были вездесущи, как хвоя под ногами.

На вершине холма, где дул слабый ветерок, одуряющий запах лесной земляники заметно ослаб. Натабура выплюнул сосновую иголку, еще целую жменю вытащил из-за пазухи. Язаки быстро пришел в себя, крутил головой, но не мог вымолвить и слова. Да и Ванути, похоже, обрел контроль над собой. По крайней мере, его черные, как угли, глаза вполне осмысленно смотрели на мир.

– Слышь, дед, – спросил Натабура, на всякий случай все еще держа Язаки за руку, – что это такое?

– Проплешины это, проплешины... – произнес Ванути, в волнении крутя головой.

Он не узнавал мест. Несмотря на запрет, он долгие годы тайно хаживал в столицу. Смолodu ему нравился квартал Ёсивара⁵⁷, где в большом количестве обитали сладкие юдзё⁵⁸. И хотя квартал был обнесен высокой стеной и окружен глубоким рвом с водой, Ванути умудрялся проникать за стену в любое время суток. Там он себе и нашел жену. Выкупил ее и привез в деревню. Правда, девушка от него сбежала, как только вкусила прелести деревенской жизни, оставив на руках с младенцем-сыном. Через двадцать лет сына забрали на войну, и он не вернулся из-под Явата, где бился простым асигару на стороне Акииэ⁵⁹. Так Ванути остался с невесткой и внуком Митиёри и занялся торговлей шелком, и все бы было хорошо, но любовь к женщинам сыграла с ним злую шутку, и на старости лет он остался ни с чем. Втайне дед Ванути мечтал снова попасть в квартал Ёсивара и отыскать свою непутевую жену. Уж очень ему хотелось посмотреть, какой она стала.

– Какие проплешины? Хоп! Никогда не слышал.

– Это потому что молодой, – снисходительно объяснил Ванути, глянув на него, черными, как угли, глазами. – А проплешины известно какие – бомбибога.

– А раньше ты их видел?

– Нет.

---

⁵⁷ Ёсивара – Веселый квартал, где обитали юдзё.

⁵⁸ Юдзё – девушки легкого поведения.

⁵⁹ Акииэ – союзник принца Нитта Ёсисада дома Тайра.

– Тьфу, ты! – возмутился Натабура.

– Но слышал, – невозмутимо пояснил Ваноути.

– От кого?

– От деда своего.

– От деда, от деда! – передразнил Натабура, давая понять, что не верит ни единому слову.

Так можно было, ничем не рискуя, сослаться на кого угодно, даже на Будду, который не любил возвеличивания и который в своей непознаваемости был подобен этому лесу, потому что проповедовал естество всего живого и неживого. Пожалуй, у Будды была только одна слабость – отрицание всех отрицаний. Непросветленному человеку в этом можно было запутаться, как в трех соснах, а просвещенному учение казалось страшной тарабарщиной, потому что не основывалось ни на сутрах, ни на трактатах, ни на учениях, а лишь на безотчетной вере и постижении самого себя.

– Проплешины появляются раз в сто лет, а то и реже. Считай, нам несказанно повезло.

– Успокоил! – только и воскликнул Натабура, удерживая Язаки, который все еще норовил вырваться и сбежать. – Тогда понятно.

– Пусти меня... – всхлипывал Язаки. – Пусти! Я туда хочу! Хочу!!!

Хорошо хоть Язаки не потерял огненный катана, который Натабура поручил ему нести. Он привязал мшаго к оби⁶⁰, и он болтался у Язаки на боку.

Лес. Кими мо, ками дзо! Ты встал навечно, подумал Натабура. Кому ты противостояешь, или, наоборот, помогаешь? Нам или им, арабуру? А может быть, этому странному и загадочному бомбибогу? Ответа не было. Чаща загадочно молчала. Для кого ты вообще такой вырос? Язаки на мгновение утих, и Натабура невольно посмотрел в ту сторону, где по его расчетам должен быть императорский дворец, но, конечно, за буйными шапками гёдзя ничего не разглядел. Одурающий смолистый запах кружил голову. Над выворотнями бомбибога по-прежнему курилась черная копоть, донося на вершину холма сладкий, манящий аромат лесной земляники.

Он так и не понял, почему этот аромат подействовал на Язаки и деда, а на него нет. Странно все это. Еще одна загадка. А с Язаки творится что-то неладное. Левая рука, которой он коснулся выворотни, светилась даже днем, как головешка на погосте – вначале только пальцы, а когда Натабура взглянул на руку снова, – уже вся кисть стала походить на стаю светлячков безлунной ночью. Лечить Натабура ее побоялся, полагая, что может сделать только хуже. Да и не умел он лечить такие болезни. Мог закрыть рану, становить кровь и кое-что еще, но вылечить человека от свечения никогда не пробовал. Вдруг это не болезнь вовсе, прозорливо думал он, а я ее молитвами, молитвами, так и убить себя недолго.

– Вот что, – сказал Ваноути, – надо уходить. Здесь только хуже будет.

– Это почему? – спросил Натабура.

Все-таки запах выворотни на него подействовал, потому что он тоже плохо соображал.

– Сам посмотри!

Натабура привстал и огляделся. Действительно, проплешины бомбибога постепенно окружали холм. Они просачивались сквозь иголки, редкую траву и сливались с одну огромную черную выворотню. Даже кусты отступили подальше. Еще одна стража, и мы окажемся в ловушке, понял Натабура. Собственно, остался один-единственный путь – с холма на соседний холм, промежутки между которыми еще не почернели.

– Правильно, – нравоучительно произнес Ваноути своим надтреснутым голосом. – Чует он нас, чует.

Натабура взвалил Язаки на спину и, невольно крикнув, сказал:

---

⁶⁰ Оби – пояс.

– Дед, ты уж меня не подведи. Не нюхай ты этот дерьмовый запах, не нюхай, а иди за мной след в след.

– А как же?..

– Не как же! Иди, и все!

– Да я уже понял все, – покорно вздохнул Ваноути после некоторой паузы. – Смерть это наша. Смерть.

Ну дай Бог! Натабура внимательно посмотрел ему в глаза. Пройдет или не пройдет? Пройдет. Куда он денется. Жить захочет, пройдет.

Они цепочкой спустились с холма, и Натабура был рад, что обучал Афру ходить рядом, прижавшись к ноге.

Стоило им оказаться в низине, как черные выворотни словно почуяли, что упускают добычу, и потекли, как ручьи, с обеих сторон окружая холм. Ваноути с перепугу обогнал Натабуру и припустил вверх по склону – только пятки засверкали, и пропал на другой стороне, а Натабура с Язаки на плечах замешкался – слишком тяжелым оказался Язаки и слишком мягкая была почва под ногами. Ноги проваливались по щиколотку. Пару раз Натабура едва не упал. Афру усердно тыкался мордой. Да к тому же Язаки, очнувшись, стал ерзать и предпринимать попытки спуститься на землю. Дед, а дед! – хотел крикнуть Натабура. Да помоги же! Но слова застряли в пересохшем горле. Черная копоть от выворотней колыхалась совсем близко. А обманчивый запах лесной земляники уже всю мутит разум. В последний момент Натабура вызвал ногу из прелых иголок, и черная выворотня тут же залила след. Глаза деда появились на фоне неба, леса и качающихся верхушек гёдзя, как два фонаря в ночи. Казалось, он с любопытством разглядывает Натабуру. Наконец сообразил, подскочил, уперся сухим плечиком, и общими усилиями они втащили Язаки на вершину холма. Путь впереди оказался свободным, и, не останавливаясь, они бросились вниз – Язаки только покрывал на спине. Прежде чем их поглотил лес, Натабура оглянулся пораженный: холм, на котором они только что сидели, утробно охнув, словно живой, проваливался в выворотню, как в трясины, – вместе с гёдзя, кустарником, ядовитыми грибами и травой. Сосны с треском ломались и падали верхушками вниз, поднимая тучи черной копоти. А там, куда она опускалась, зелень сразу чернела и становилась пастью выворотни.

Как только березы коснулись их спин, Язаки тут же заартачился, заголосил: «Спустите меня, спустите!» – встал на ноги и как ни в чем ни бывало, будто ему только что и не грозила самая что ни на есть черная смерть, осведомился будничным голосом:

– Куда мы идем?

Натабура заподозрил, что Язаки не в себе, и спросил в свою очередь:

– Как куда? А ты не помнишь? В Нефритовый дворец.

Язаки дернул щекой и взглянул на него, как на полоумного, и в тон ответил:

– А зачем? Его не существует!

Ну и хорошо, обрадовался Натабура, хорошо, что на Язаки снизошло очередное просветление, раз он вспомнил свои пророческие штучки. С одной стороны, если рассматривать с точки зрения синтоизма, на это не стоило обращать внимания, здраво полагаясь на явления природы, а с другой стороны буддизм учил видеть в таких проявлениях тонкую часть жизни. Натабура, обученный всему понемногу, колебался от одной точки зрения к другой. Миккё⁶¹ – и другие премудрости. В них можно было верить или не верить, но он пользовался плодами обучения школы «Сингон»⁶², и пока эти знания его не подводили.

– Не в сам дворец, а к капитану Го-Данго.

---

⁶¹ Миккё – тайное учение.

⁶² Сингон – «Истинное слово», школа тантрической буддизма, основатель монах Кукай.

– К капитану? Отлично! А во дворец опасно, – сказал Язаки и принял глубокомысленный вид.

– Почему?

Язаки глянул так, что стало ясно – лучше не спрашивай, все равно не знаю, но раз я сказал, то лучше не ходить. Хотя и так было ясно, что там арабуру и иканобори и еще кто-нибудь из иноземных тварей. Но почему опасность связана именно с дворцом? – подумал Натабура.

– Не знаю, – как всегда в самый важный момент пожал плечами Язаки. – Опасно, и все.

Сути он не сказал, а может быть, и сказал, да я не понял, подумал Натабура, тогда я просто глуп. Ему показалось, что все привиделось: и поляны с выворотнями, и черная копотью, и земляничный запах. Но как только он взглянул на левую руку Язаки, то понял, что ошибся: светилась она ярким голубоватым светом. Впрочем, гадать, что бы это значило, не имело смысла, а надо было уносить ноги.

Тропинка завела их в какой-то овраг, где сочная, густая трава ложилась поперек пути тяжелыми, влажными снопами, и приходилось прилагать немало усилий, чтобы раздвинуть ее. Сверху нависали ветви деревьев, откуда-то из невидимой низины тянуло прохладой, к лицу липла паутина, а из болота налетали одна за другой стаи огромных, как бабочки, комаров. Натабуре казалось, что именно здесь с ними вот-вот что-то произойдет – слишком удобное для засады было место – стоило спрятаться там, наверху с луком. Однако ничего не случилось, и, преодолев овраг и немного помесив грязь в самой его низинной части, где протекал ручей, они выбрались на откос и уже с облегчением вздохнули, как вдруг их напугал странный, заросший по уши черной бородой человек. Он, стоя к ним спиной в зарослях бузины, справлял малую нужду и на весь лес орал песню: «Если б любила ты меня, мы бы легли с тобой в шалаше, увитом плющом, и руки наши сплелись бы, как лианы...» Впрочем, не в меньшей степени они напугали и его: последние слова песни застряли у него в горле. Оправляясь, он сделал неуловимое движение руками в нижней части тела, крикнул и пропал, словно провалившись сквозь землю. Никто его толком разглядеть не сумел. А Афра со своим носом не нашел ни следа, ни запаха, хотя взлетел и, тихонько рыча, сделал круг над этим местом, а потом опустился и виновато, глядя в глаза Натабуре, прижался к нему, что дало Язаки основание произнести:

– Симатта!..

Ваноути хмыкнул:

– Демоны не оправляются в кусты, – однако и он замер с разинутым ртом.

С этого момента на душе у Натабуры стало не то чтобы тревожно, а просто очень и очень муторно, и он не мог понять, то ли она ему просто мнится, то ли он предвидел опасность. Над пышной зеленью подлеска возвышалась поросшая мхом и лишайниками почерневшая крыша харчевни, к крыльцу которой не вела ни одна тропинка. Чудно, отметил Натабура, чудны дела Богов. На единственном гвозде покачивалась вывеска: «Хэйан-кё»⁶³. Что-то жуткое и страшное было связано с этим названием. Так называли Киото – столицу Мира, и об этой харчевне Натабура слышал многое, но никогда не набредал даже в самых своих тоскливых странствиях по столице, когда разыскивал Юку. А, вот еще! Он смутно что-то припоминал: будто бы сама харчевня не стояла долго на месте, а перемещалась, а того, кто входил в нее, больше никто никогда не видел. Ходила в народе такая легенда. И будто бы городские стражники много лет разыскивали ее, но так и не находили. И что среди жителей столицы считалось особым шиком провести в харчевне вечер и вернуться домой живым и здоровым, чтобы рассказать веселые или жуткие истории об этой самой харчевне, где якобы хозяйничали духи и демоны, где якобы появлялись белокурые девы, а пиво и сакэ лились рекой. Но возвращались немногие. Это точно. А тех, кто возвращались, неведомая сила тянула назад в «Хэйан-кё», и рано или поздно они пропадали. Вот таким было это страшное место – «Хэйан-кё».

---

⁶³ Хэйан-кё – Город мира и покоя.

Не успел Натабура и слова сказать, как Язаки сорвался с места и во всю прыть устремился к харчевне. Он путался в высокой траве, пару раз упал, но даже не оглянулся. Хлопнула гнилая дверь, и Язаки пропал внутри. Натабуре с Ваноути ничего не оставалось, как последовать за ним.

Дед со всей осторожностью потянул скрипучую дверь на себя, сунул голову внутрь и долго что-то высматривал.

– Ну что там? – спросил Натабура от нетерпения.

– Да ничего... – как-то радостно буркнул дед – мол, отстань, сам увидишь.

И они вошли. Натабура перевел дух. Внутри стояла такая вонь, словно это был храм, а не харчевня, да не обыкновенный храм, а такой, в котором поклонялись низким духам наслаждения. Три огромные золотые курительницы источали струйки сизого дыма, одна – гриба масуносэку, другая – темно-желтый дым дурманящего мха исихаи, третья – белый-белый дым спор волшебного такай⁶⁴. Дым поднимался к потолку и, не смешиваясь, плавал слоями. Два крохотный окна едва пропускали свет, зато горело множество свечей, и было жарко.

Язаки был бы не Язаки, если бы уже не сидел на циновке и что-то самозабвенно не жевал, глядя в дымный потолок. Ладно, хорошо, сейчас он поест, и мы уйдем, подумал Натабура, не веря самому себе. Самое удивительное заключалось в том, что хозяин харчевни с самым что ни на есть почтительным выражением на лице метался от кухни к Язаки, накрывая стол изысканными блюдами. Будто нас ждал, а ведь денег нет, подумал Натабура, с трудом пробираясь к Язаки. Последнее время пища стала баснословно дорогой, и они питались просто, как крестьяне, тем, что находили в дороге. Однако удержаться не было сил – пахло так, что сводило желудок, а рот наполнился вязкой, как глина, слюной.

– А вы чего стоите? – удивился Язаки, вгрызаясь в куриной крылышко, – места много, еды еще больше. Садитесь! – он пододвинулся и даже от щедрот душевных кинул Афру надкушенное крылышко, что вообще не было похоже на Язаки, в желудке которого исчезало все, все более-менее съедобное.

Афра, хрустнув, проглотил подачку и устался на благодетеля.

– Нам же нечем платить... – с укоризной прошептал Натабура, однако усаживаясь рядом с Язаки и сглатывая голодную слюну.

Дышать можно было только на уровне пола. От дыма так же, как и от земляничного запаха черной выворотни, кружилась голова, а на глаза навертывались слезы. Это было не совсем приятно. Афра несколько раз фыркнул и стал тереть нос о циновку. Однако Язаки все было нипочем, да и дед, быстро освоившись, уже всю вкушал яства.

– Не волнуйтесь, таратиси кими! Не волнуйтесь! – радостно вскричал харчевник, ставя перед ним чашку с густым кани томорокосу⁶⁵, от которого шел такой умопомрачительный запах, что Натабура на мгновение потерял контроль над собой и невольно взялся за хаси⁶⁶.

Беззубый Ваноути уже проглотил свою порцию и правой рукой тянулся за копченым тай⁶⁷, а левой – за суси⁶⁸. Язаки пожирал печеные мидии, залитые яйцом, и стебли лотоса в сахарной корочке, заталкивая все это в рот одновременно и, не жуя, глотал с таким отчаянием, что кадык у него на шее двигался вверх-вниз, вверх-вниз, как ползунки в осадной машине. Афра вдохновенно грыз мозговую косточку и ни о чем серьезном не думал. Один я мучаюсь, укорил сам себя Натабура, может, зря, может, эта не та харчевня, и я ошибся. Может, я вообще

---

⁶⁴ Такай – папоротник.

⁶⁵ Кани томорокосу – суп из риса, крабов, курицы и янтарной рыбы фугу.

⁶⁶ Хаси – палочки для еды.

⁶⁷ Тай – окунь.

⁶⁸ Суси – ломтики благородной рыбы с рисом.

очень подозрительный, а надо быть проще и естественнее – вот как Язаки. Знай себе, работает челюстями.

В этот момент харчевник водрузил в центре стола огромный кувшин с душистым, горячим сакэ. Его запах и остановил Натабуру. Так пахла только черная выворотня – то ли сакэ сварен на лесных травах, то ли отравлен хлопьями копоты от вывороти? Он хотел тотчас разбить кувшин о голову горшечника, но произошло что-то неуловимое, чего он не понял – событие слишком быстротечное для глаза, безотчетное для ума, и в следующее мгновение Язаки, как во сне, уже наполнял чашечки горячим напитком, приговаривая с видом знатока:

– Главное в жизни хорошенько поесть, – и, вливая в глотку сакэ, весело подмигнул Натабуре.

Натабура опять ничего не понял, опять ничего не сообразил, будто спал и видел сон. С ним еще никогда не случалось такого, чтобы он пропускал мимо себя какое-то событие. Да и Язаки так никогда не подмигивал ему. Натабура с трудом оторвал взгляд от еды и посмотрел на харчевника. Ему показалось, что сквозь пышную шевелюру у того просвечиваются рога: маленькие, кокетливо загнутые на концах, как раковины улиток, но остренькие, как иголки. Не может быть. Мысли его растекались медленно и степенно, как патока на солнце. Затем произошло вообще невообразимое: только что харчевник стоял у стойки, как вдруг очутился совсем близко. Момента, когда он переместился, Натабура не запомнил, но в руках у харчевника прятался до жути знакомый предмет. И опять он подумал, что такого не может случиться, только не с ним и не здесь, где обстановка казалась мирной и сытой, располагающей к долгой беседе.

Харчевник был толст и неопрятен. Лицо лоснилось от жира, а рыжая клокастая борода скрывала маленькие глазки, которые к тому же еще и прятались глубоко под нависающими рыжими бровями. Слова его едва долетали до сознания Натабуры.

– Ешьте, таратиси кими, ешьте. Сейчас еще принесу.

Почему же еще? – растерянно хотел возразить Натабура, вытирая слезы, здесь и так много. У нас денег-то нет. Только после этого он случайно бросил взгляд на обстановку харчевни. Паучки, раки, толченые грибы, сушеные пиявки трех видов: коричневые, черные и желто-полосатые, поблескивающие крупинками соли, какие-то травы, рисовые сухарики и пиво трех сортов в пузатых бочках. А еще сушеные крысы, привязанные за хвосты. «Только для истинных арабуру» – значилось на табличке. Эту надпись вначале он не заметил. А теперь даже не удивился, словно это был другой мир, с непонятными законами.

– Это не для вас, это не для вас, таратиси кими! Не для вас! – поймав его взгляд, засуетился толстый рыжий харчевник и ловко спрятал табличку под прилавок, и уже тащил глиняные кружки, над которыми подрагивала белая пена. Причем, кружки словно плыли по воздуху сами по себе, а харчевник их только направлял в нужную сторону.

Натабура даже закрыл глаза, чтобы дать голове отдохнуть, ибо она кружилась беспрестанно, и от этого его начало поташнивать, а сам он ничего не соображал. Разве так бывает? – подумал он, вытирая слезы, которые градом катились из глаз, чтобы кружки сами, по воздуху?

– Ешь! – Язаки ткнул Натабуру локтем в бок и так присосался к пиву, словно ему не давали пить целую луну.

После этого Натабуре почудилось, что его не было в харчевне еще некоторое время. Он открыл глаза. Абсолютно ничего не изменилось, только толстый, рыжий харчевник, уже не сновал между кухней и столом, а, подбоченясь, радушно наблюдал, как они едят. Толстые, жирные губы шевелились, как у рыбы, а осоловелый взгляд выражал немой укор: неужели невкусно? И Натабура, невольно подчинившись, съел – совсем немного, пару рисовых шариков с пастой мисо – больше просто не лезло в глотку из-за дурного предчувствия. Лучше бы он этого не делал. Рисовые шарики упали в желудок, как камни, тотчас стала мучить странная отрыжка. Следовало, конечно, уйти, пока не поздно, но разве вытянешь Язаки и деда, который тоже вошел во вкус и, знай себе, набивал живот. Да и Афра, похоже, залег надолго.

– Ох, ты! – воскликнул харчевник. – Да у тебя идзуси!⁶⁹

– Да, – не без гордости ответил Натабура, даже не удивившись тому, что харчевник разглядел его кусанаги. А удивиться надо было, ибо никто не мог увидеть голубой кусанаги за его плечами.

Он поднялся, мимоходом отмечая, что дым стал еще гуще и что от рисовых шариков по-прежнему мутит и мучает отрыжка. Ваноути уже напился и наелся, подпер морщинистую скулу сухим кулачком и затынул какую-то старую, тоскливую песню рыбака. Афра все еще следил за каждым движением Язаки, надеясь на подачку. Язаки же был неугомоним, и Натабура знал, что друг сожрет все, что есть на столе, и добавки попросит.

Харчевник куда-то исчез, и Натабура заглянул в дверь за прилавком. На полке лежал огромный нож-секач и еще предмет настолько знакомый, что Натабура сразу не мог вспомнить его предназначения, но знал, что он совершенно бесполезен в данном случае. Ну и ладно, махнул он рукой, удивляясь своей беспечности. Однако некоторое время постоял и, повинувшись безотчетному стремлению, сунул этот предмет в карман. Пригодится, решил он, хотя воровать грех.

В конце длинного темного коридора светилось окно. Натабура, как пьяный, пошел на этот свет, полагая, что найдет хозяина и выяснит причину его радушия. А еще ему хотелось избавиться от дыма и тяжести в желудке. Однако до конца коридора он так и не дошел, не только потому что его стало еще и мутить, но потому что услышал странный голос, который сливался в невнятное:

– Бу-бу-бу...

Иногда, когда голос становился злым, можно было различить:

– Бу-бу-бу... пили, пили лучше... бу-бу-бу... лучше! Бу-бу-бу...

Голос невнятно доносился откуда-то из глубины дома, и вначале Натабура решил, что ему послышалось. Он оглянулся: дед Ваноути все еще тянул свою нудную, тягучую рыбацкую песню, а Язаки деловито набивал брюхо. Но потом, когда обладатель голоса снова стал заметно сердиться, между приступами тошноты Натабура все же сообразил, что не ошибся. Примерно в середине коридора он обнаружил лестницу, которая вела наверх, постоял, прислушиваясь к взбунтовавшемуся желудку, и стал осторожно подниматься на второй ярус. Харчевня «Хэйанкё» была древней. Ясное дело, думал Натабура, сколько лет! Ох! Ой! Сейчас стошнит. Однако ступени даже не скрипели. Да и стены пахли свежей смолой. Странное устройство дома удивило его. Снаружи харчевня казалась совсем маленькой, крохотной, для небольшой компании, как-то отстраненно думал он, держа руки на животе, и второго яруса нет. А здесь! Так не бывает. Вернее, конечно, бывает, но только в сказках. К его непомерному удивлению, существовал и третий ярус, а голоса и звуки пилы доносились именно оттуда. И хотя он знал, что нельзя бояться, страх накатывал волнами, как малярия. Теперь он отчетливо слышал каждое слово.

– Я и так стараюсь.

– Плохо стараешься! Ты же не хочешь, чтобы от нас отвернулся лик солнца?

Наступила пауза, в течение которой слышался только звук пилы.

– Отпилил... – произнес голос с облегчением.

Натабура узнал рыжего харчевника. Послушался странный звук, словно кто-то бросил на пол палку.

– Хорошо, – констатировал другой голос.

Натабура не знал, что голос принадлежит черту по имени Ёмэй.

– Я старался.

– Второй тоже.

---

⁶⁹ Удзуси – меч, который исчезает сам по себе.

- Сейчас – отдохну малость. Боги подземных сил возрадуются.
- Ты стал слишком толстым. Майяпан велел передать тебе, чтобы ты не жрал весь день, как буйвол.
- Майяпан – мой господин, передай, что я выполню его волю.
- Трон тринадцати небес пал. Наши ликуют. Кто у тебя сегодня?
- Трое крестьян и медвежий тэнгу.
- Зачем ты их кормишь?! – удивился Ёмэй.
- У одного из них рука Ушмаля. Я не осмелился...
- Ушмаля?! Те, у кого не бывает правильного видения, умирают молодыми, а ты уже старый. Это не про тебя. С каких это пор в этой дикой стране появились люди от Ушмаля? Подумай! Надо посмотреть на этих крестьян. Как они вообще забрели сюда?
- Если бы я знал! Я не хотел их кормить. Но у него рука...
- Рука... рука... ты здесь обленился! Надо послать тебя в город.
- Только не это!
- А чего ты, боишься?
- У него же рука, как у Ушмаля! – продолжал оправдывался харчевник.

Натабура пережил очередной приступ тошноты, прижавшись головой в стене. Доски были шершавыми, и от них приятно пахло смолой, но это не спасало от комка, подкатившего под самое горло, и от тоски, которая мучила его с тех пор, как он покинул дом и Юку.

– Ладно, хватит о руке. – Услышал Натабура. – Я все понял. Отдохнул? Нельзя так много есть. Ты умрешь раньше времени, и река Чичиерта понесет тебя в мир предков. Пили дальше.

Снова послушался странный звук. Натабура снова поискал хотя бы щелочку, чтобы разглядеть, что происходит за стенкой, но тщетно. Тогда он пошел вдоль коридора в поисках двери, но только удалялся от голосов.

Коридор был даже длиннее, чем на первом ярусе. В конце находилась веранда. Неожиданно открылась панорама Киото, заросшего, неухоженного, покинутого людьми, но самое удивительное заключалось в том, что там, где на северо-западе прежде возвышался зеленый Нефритовый дворец регента, пылал, нет, – горел в лучах света необычный замок в виде пирамиды. Вот о чем говорил пророк Язаки. Арабуру построили новый дворец. С другой стороны, на северо-востоке, там, где находился Яшмовый дворец императора, одиноко торчала гора Хиэй дзан. Едва различимый дым говорил о том, что монастырь на ней разорен.

Здесь Натабуру и вывернуло – прямо на далекую землю, и он, свесившись через перила, переживал момент слабости. Потом вывернуло еще раз и еще – да так, что желудок, казалось, готов был последовать за содержимым. Полилась желчь вперемешку с черными ошметками какой-то слизи. Из глаз брызнули слезы, в носу защемило. Казалось, этому не будет конца. Вдруг стало легче, и дурнота пропала, голова уже больше не кружилась, а глаза не слезились, только в левом ухе звенел комар, но так, словно удалялся в лес.

Что-то заставило его отскочить в сторону. Он прижался к стене и ждал, что произойдет дальше. На веранде появился заросший бородой по уши человек-собака – песиголовец. Хорошо был заметен белый клык, выступающий из-за губы. Песиголовец понюхал воздух, безошибочно подошел к тому месту, где за момент до этого стоял Натабура, и посмотрел вниз. Песиголовец больше всего походил на демона ойбара, но, как известно, демоны не обладают мускулами. Мускулы у этого ойбара не походили на человеческие, а словно были взяты у собаки – рельефные, без капли жира под тонкой подвижной кожей. Но самое неожиданное заключалось в том, что у ойбара на руках были острые, как у медведя, когти. Все это Натабура разглядел в мгновении ока, потому что ойбара был голым по пояс, в одних хакама⁷⁰, и короткие волосы на его торсе больше всего напоминали собачью шерсть. Затем песиголовец стал

---

⁷⁰ Хакама – широкие штаны.

чесаться, но не как человек, а как самая настоящая собака – ожесточенно раздирал себе бока и даже пару раз умудрился скусить блоху.

Натабура приготовился выхватить кусанаги и даже положил руку на рукоять, однако почувствовал, что стена за спиной подалась в сторону, и он, едва не упав, невольно сделал шаг назад и очутился в комнате, в которой кроме старой, протертой циновки, ничего не было. Только здесь он сообразил, что в лесу они вспугнули оправляющегося по малой нужде ойбара. Стало быть, мы набрали на хонки арабуру, подумал Натабура. Сбылось то, о чем они нас предупредили: вслед за иканобори и арабуру появились их хонки – в данном случае песиголовец-ойбара. У нас сроду таких не водилось. Наши хонки лучше, недаром они боялись пришельцев, подумал Натабура.

Звук пилы стал громче, и разговор тоже.

– Ты вот что, – поучал незнакомый голос, – пили ровнее. Мне еще по городу ходить.

– Почудилось что-то, – сказал харчевник, и звук пилы возобновился.

– Кто там может быть, кроме Чакмоля?

– А Каба?

– Каба ушел в город.

– Точно, да...

– Ну, пили...

– Ну, пилю...

– Ну, и пили!

– Ну, и пилю!

Натабура на цыпочках миновал еще пару пустых комнат и наконец разглядел сквозь щелочку: в последней находилось двое. Один стоял на коленях, положив голову на бревно. Рыжий харчевник отпиливал ему рога. Это были не арабуру, скорее они походили на корейцев – черные, узкоглазые. Странные демоны, подумал он.

Если бы Натабура знал, что видит чертей, он бы страшно удивился, но все дело в том, что до поры до времени черти в Нихон не водились, а те, кого он видел, были их первыми представителями, прибывшие вместе с арабуру в качестве их темной стороны. Черти арабуру мало чем отличались от людей – единственное, рожками, поэтому черти их и отпиливали, чтобы оставаться неузнанными.

В этот момент снизу раздался рев пьяного Язаки:

– Хозяин! – кричал он так, что содрогалась вся харчевня от крыльца до третьего яруса.

– Я же им подсыпал снотворный порошок маймукаэки! – удивился харчевник, ускоряя темп движения пилой.

– Осторожнее, мне больно! – предупредил рогатый демон и поморщился.

На его разноцветные глаза навернулись слезы. Левый глаз, который был серого цвета, с возмущением посмотрел на харчевника, правый же, карий, закатился от боли.

– Я уж их и так этак, – оправдывался харчевник. – Самого опасного вообще пришлось отключать.

– Ты что, пользовался мандарой?⁷¹

– Ну да. А чем еще?

Только теперь Натабура сообразил, почему на некоторое время терял ощущение времени и пахло дождем. Всему виной проклятая мандара – так эти странные люди, точнее, демоны, называли ежика. А я и не знал, подумал он. Он сунул руку в карман – ежик преспокойно лежал там. Надо забрать второго у Язаки, решил он, а потом добыть третьего, и я им покажу!

---

⁷¹ Мандара – оружие, в котором используется сила вселенной, в центре которой находятся Будды во главе с Буддой Дайнити.

– Только в крайних случаях! – демон, которому харчевник отпиливал рог, едва не подскочил от возмущения.

– А он ничего не жрал и не пил. Даже шарики ему не понравились, – произнес в оправдание харчевник. – Я в них опилок пикрасимы⁷² насыпал.

– И что? – спросил Ёмэй.

– Наверное, уже плывет по реке Чичиерта? Откуда я знаю?

Наконец он отпилил и второй рог и бросил его на пол, потому что спешил: харчевня сотрясалась от воплей Язаки:

– Чанго давай!

– Убей его! – приказал Ёмэй.

Он посмотрел на себя в зеркало и стряхнул опилки с волос.

– У него рука Ушмаля! – в оправдание произнес харчевник.

Его товарищ немного подумал и здраво рассудил:

– Дай-ка я на него погляжу.

Натабура отпрянул в сторону, решив, что эти двое пойдут через третий ярус. Бежать было некуда. Схватка в темном помещении казалась неизбежной. Однако через мгновение, когда он снова глянул в щель, за ними закрывалась другая дверь, которая, должно быть, вела в кухню.

Тогда он последовал за демонами – тихо и осторожно, вытащив из кармана ежика. Как им пользоваться, он не знал, а действовал, исходя из здравого смысла, – просто ткнул в шею демону, которому харчевник отпилил рожки. Ткнул в тот момент, когда тот, услышав шаги, повернулся. Его глаза от испуга вылезли из орбит, а рот раскрылся, чтобы издать вопль ужаса, который оборвался на высокой ноте:

– Ай!.. – и он упал.

Натабура произнес:

– Лежать, пока я не приду... – перешагнул через него и бросился за толстяком харчевником, который, как мяч, катился вниз по лестнице.

Перед самой кухней Натабура нагнал его и в прыжке ткнул в самое доступное место – в жирный загривок, поросший рыжеватой шерстью. Однако ничего не случилось – не полетели искры и не запахло дождем, а рыжий харчевник припустил еще быстрее. Он задыхался. Его сердце билось из последних сил. Вислый живот лишал маневра. Он схватил огромный секач, который в узком пространстве кухни был грозным оружием, но ему не хватило решимости ударить. Все жизнь он кормил людей, демонов и ойбара, а не убивал их. Кроме этого, его остановила холодная сталь кусанаги, которая коснулась шеи, и тут силы окончательно оставили его.

Язаки, ничего не видя и ничего не слыша, орал, выпучив глаза:

– Чанго хочу! Чанго!!!

Стопятилетний дед Ваноути во всю вторил ему надтреснутый голосом:

– Чанго хотим!.. – и бил сухим кулачком по столу так, что подскакивали чашки и плошки, а золотые курительницы раскачивались, как во время землетрясения.

Они знали свои права и жили в своей стихии – если напиться, то надо побуйствовать.

Один Афра, несмотря на дым, разобрался, что к чему, и в два прыжка оказался рядом с Натабурой.

– Р-р-р...

– Молодец! – похвалил его Натабура и, размахнувшись, выбил ближайшее оконце кончиком кусанаги, а затем и другое.

Дым потянулся наружу, и сразу стало легче дышать.

– Дай твоего ежика! – потребовал Натабура. – Дай!

---

⁷² Пикросима – ядовитое дерево.

– А ты кто такой?! – заерепенился Язаки. – Кто? – хотя, разумеется, узнал друга. – Кто? Ну кто?!!

Натабура нехорошо усмехнулся. Язаки отлично знал эту его привычку и, поартачившись для приличия совсем немного, отдал ежика. Увидев в руках у Натабуры два ежика, харчевник очень испугался.

– Ну говори, как этим пользоваться? – наклонился над ним Натабура.

– Я не знаю, нам их приносят... – жалобным голосом заныл харчевник.

– Кто приносит?

– Арабуру... – дыша, как лягушка, всем телом, сообщил харчевник.

Крупные капли пота проложили дорожку меж острых рогов и слипшихся волос.

– А вы кто?

– Мы... мы... мы...

– Ну?! – и Натабура, скорчив самую злую гримасу, поднес к лицу харчевника ежика, которого взял у Язаки.

Из этого ежика, в отличие от того, которым он ткнул в демона с отпиленными рожками, сыпались искры. Харчевник от страха вжался в пол.

– А-а-а! Не надо... не надо... Я ничего не знаю, я только знаю: надо ткнуть и произнести, чего ты хочешь.

– Ага... – сообразил Натабура.

Он не ошибся и что-то такое стал припоминать – как харчевник, наклоняясь, говорил ему ледяным голосом:

– Лежать, собака, лежать пять кокой.

А еще, оказывается, он ткнул ежиком и в Афра, иначе как объяснить тот факт, что Афра не кинулся защищать своего хозяина.

– У моей мойдары кончилась энергия, – льстиво сообщил харчевник.

– Ага... – еще раз произнес Натабура и ткнул харчевника ежиком прямо в лоб: – Полежи пять кокой.

Следовало уносить ноги. У них ведь есть план – надо всего-навсего найти капитана Гогданго. Но все уговоры были попусту. Во-первых, Язаки и Ваноути наотрез отказались покинуть харчевню «Хэйан-кё», а во-вторых, неожиданно наступила ночь. «Только идиот ходит по лесу ночью», – поведал Язаки, явно наслаждаясь ситуацией и показывая, что Натабура не так всемогущ, как хочет казаться. Ну погоди мне, подумал Натабура, дай срок. Тут ему вовсе стало тоскливо. Понял он: ночью все и произойдет, только не знал, что именно.

– А я думал, ты напился, – оправдывался Язаки. – Ты ведь упал мордой на стол и храпел весь вечер, а потом вообще куда-то пропал. Дверь едва не выломал.

– Это ты напился! – бросил ему упрек Натабура. – А я вас спас!

– Это когда? – удивился Язаки.

– Только что.

– Ничего не видел, – выпучился Язаки. – Поверишь, сакэ такой крепкий, как у моей любимой мамы.

Натабура хотел возразить, что те времена, когда Язаки расстался с мамой, он еще не пил ни сакэ, ни пива, но передумал и не стал выводить друга на чистую воду. Пусть живет, снисходительно подумал он, пусть живет.

* * *

Наступила ночь.

Уговоры оказались бесполезны, и Натабура бросил это занятие, мрачней все больше и больше. Как он и предвидел, Язаки не успокоился до тех пор, пока не сожрал все, что можно

было сожрать, не побрезговал ни сушеными грибами, ни паучками и раками, ни даже пиявками, которых нашел очень даже вкусными, правда, чуть-чуть жесткими, и пробовал всех угощать. А то, что не смог сожрать, приказал харчевнику отнести в спальню.

– Осторожней, таратиси кими, – повторял рыжий харчевник, почтительно провожая их со свечой в руках на второй ярус, где они должны были отдыхать. Афра спросонья требовал ласки – тыкался в колени и подпихивал ладонь холодным носом. А может, он извинялся? – Натабура так и не понял.

Впрочем, и без свечи на лестнице было светло, как днем, и все благодаря левой руке Язаки, которая светилась, как сто тысяч гнилушек вместе взятых. Натабура давно уже заметил, что харчевник с благоговением взирает на эту самую руку и даже пару раз пытался приложиться к ней губами, на что Язаки реагировал весьма благосклонно. Но какую пользу можно было извлечь из этого обстоятельства, Натабура еще не знал. Он собирался разобраться в этом вопросе на рассвете, а пока он только злился на Язаки, в глубине души понимая – неизвестно что лучше: спать в харчевне или бродить ночью по лесу?

Они плелись так, словно весь день таскали мешки с углем – норовя ткнуться носом то в перила, то в стену. Даже неутомимый Афра то и дело спотыкался, и тогда была слышно, как его когти царапают дерево. Процессию замыкал Язаки, который наелся на всю оставшуюся жизнь и теперь на всякий случай поддерживал живот двумя руками. Однако это мало помогало, и он постанывал то ли от удовольствия, то ли для того, чтобы его пожалели. В этом и крылось все противоречие его натуры: с одной стороны Язаки хотел быть независимым, с другой – жаждал, чтобы его любили.

Натабура все ждал, что здесь, на лестнице, они столкнутся с песиголовцами, то бишь с демоном ойбара, но обошлось – то ли повезло, то ли они все попрятались и ждали удобного случая, чтобы напасть в темноте.

Харчевник распахнул дверь:

– Пожалуйте! – и в очередной раз с величайшим почтением покосился на светящуюся руку Язаки.

По углам комнаты горели свечи, а на полу были расстелены три свежайших футона⁷³. На крохотном столике был накрыт скромный ужин. Но на него, кроме, конечно, Язаки, никто уже не мог смотреть. У Язаки же не хватило сил – он только понюхал, пробурчал, что все это он съест завтра утром и, выпив чашечку сакэ, рухнул на ближайшую постель. Тяжелый день подходил к концу. Ваноути постанывал, как старый самурай, получивший рану в сражении. Афра никак не мог улечься поудобнее, мешал набитый живот.

Натабура на всякий случай ткнул ежиком в харчевника и приказал:

– Лежи в углу до утра!

Сам же он с Афра не легли на постель, а примостились у двери, полагая, что опасность может прийти только оттуда.

Он ошибся – опасность пришла из темноты – откуда он ее и не ждал.

Свечи задули. Язаки завернулся в футон, его волшебная рука перестала освещать все вокруг, и тяжелый храп наполнил комнату. Посреди ночи Натабура проснулся. Станный звук разбудил его. Это был не храп. Он исходил непонятно откуда – словно плакал ребенок. Он плакал повсюду: в углу, где лежал харчевник, там, где беспокойно постанывали во сне Язаки и Ваноути, под потолком, снаружи, под полом – он плакал везде и нигде одновременно. По спине пробежали мурашки.

– Язаки... – вначале позвал Натабура и подумал, что после сегодняшнего обжорства друг вряд ли проснется даже утром.

---

⁷³ Футон – одеяло.

Дрожащей рукой он зажег свечу. Крохотное пламя, как парус, плыло в океане темноты. Оно плыло и плыло, а он все слушал и слушал этот мерзкий детский плач – беспрестанный и равнодушный, как звук дождя за окном. Теперь плач не призывал к помощи, а внушал ужас.

– Язаки!

Афра проснулся.

– Стой, Афра, стой... – придержал его Натабура и увидел.

Там, где спали его друзья, чернел квадратный люк. Оттуда, из сырого, холодного нутра, доносился этот скулящий плач ребенка. Нет, это был не детский плач. Это торжествовали демоны арабуру – черти.

* * *

В один момент все рухнуло. Но Натабура не зря все эти годы прожил рядом с учителем. Он был готов к ударам судьбы. Мудрый Акинобу позаботился об этом. Они часто говорили о таких понятиях в дзэн, как благоприятные и неблагоприятные дни, облекая это понятие в милость Богов. Сегодня Боги отвернулись от них. Но это не значило, что надо было опустить руки и пассивно ждать перемен в судьбе.

Если бы ему потом сказали, что он поступил опрометчиво, он бы ответил ни на мгновение не усомнившись, что другого выхода, как прыгнуть в пасть люка, у него нет. Он готов был сразиться с целой армией хонки арабуру, но то, что предстало перед ним, превосходило все возможности его воображения.

Он снова стоял перед харчевней «Хэйан-кё», которая, пятясь, отступала под полог леса. На этот раз он не стал осторожничать, а, выхватив голубой волшебный кусанаги, бросился за ней. Харчевня сделала маневр, и, с треском ломая подлесок, пропала на мгновение из поля зрения, а затем он увидел ее далеко-далеко – на другом конце просеки. Она словно отдыхала, присев на холме между двумя выворотнями, гнилая крыша покосилась еще больше, а из разбитых окон валил дым.

– Афра! – позвал он.

Пес предстал перед ним, готовый выполнить любой приказ.

– Там, – показал Натабура, – там Язаки и дед. Придержи харчевню, не дай ей уйти.

Афра преданно взглянул ему в глаза, взлетел и пропал над верхушками гёдзя, а Натабура бросился следом, но не по просеке, а в обход.

Харчевня действительно задыхалась. Она сидела, как живая, и бока ее ходили ходуном, а из окон по-прежнему, как из сырой печи, валил дым. Видать, ты не приспособлена так быстро передвигаться, злорадно подумал Натабура, перебегая от сосны к сосне, но так, чтобы не попасть в черные выворотни. Ближе всех стоял огромный дуб. За него-то он и спрятался. В этот момент Афра сиганул откуда-то сверху прямо на крышу и стал рвать ее лапами. Молодец! – похвалил Натабура. Молодец! Надо ли упоминать, что лапы у медвежьего тэнгу подобны лапам медведя. Иногда Афра хватало одного движения, чтобы распороть человеку живот.

Харчевня присела, а потом взбрыкнула, но было уже поздно: во-первых, Афра в мгновении ока проделал в гнилой крыше дыру и нырнул внутрь, а во-вторых, Натабура в три прыжка преодолел расстояние до двери и, готовый к самому худшему, рывком распахнул ее.

В зале хозяйничал харчевник, с остервенением раздувая огонь в курительницах и треугольном очаге⁷⁴ так, что дым клубами поднимался под потолок. Вот в чем секрет харчевни «Хэйан-кё», подумал Натабура, должно быть, она живет за счет этих курительниц и дыма, а устала, потому что старая и быстро бегать не может, и харчевник такой же старый, только дородный, как конь. Действительно харчевник дышал, как после тяжелой борьбы и, выпучив

---

⁷⁴ Треугольный очаг – символизирует зло.

глаза, незрячим взором смотрел то в одно окно, то в другое, одновременно прислушиваясь к звукам на верхних ярусах. Впрочем, он быстро приходил в себя, подбрасывая в курительницы то гриб масуносэку, то толченый мох исихаи, то споры волшебного такай, а в очаг – ветки белого ядовитого дерева такубусума⁷⁵. Пахло отвратительно. Вот почему у меня кружилась голова, понял Натабура и крикнул:

– Стой!

Увидев его, харчевник сильно удивился и схватил свой любимый секач. Но даже держал он его не очень уверенно.

– Видать, ты из везучих, – произнес он, делая неуклюжий шаг вперед.

– Видать, – согласился Натабура, – только не надо это проверять, – и поднял над головой кусанаги, который в дыму сделался не голубым, а почти черным.

Он не стал применять хитроумные приемы, которые годились против опытных самураев. Он выбрал классику – прямой удар под ключицу, чтобы разрубить черта наискосок. Впрочем, это не имело значения. От смерти рыжего харчевника отделяло мгновение. Но убивать его Натабура не стал. Во-первых, противник был неравным, а во-вторых, он еще должен был кое-что рассказать.

Харчевник все понял и в отчаянии швырнул секач в Натабуру. Входная дверь разлетелась в щепки. Натабура только криво усмехнулся и в ответ опрокинул светильник с грибами. Искры упали на циновки. Харчевня дернулась, как живая, и присела на бок. На пол полетела кухонная утварь и посуда, и что-то загромыхало наверху.

– Кто вы? И что вам здесь нужно?

– Ты не знаешь, с кем связался... – ответил харчевник, озабоченно поглядывая в угол, и речь его удивила Натабуру. Он-то думал, что демоны арабуру не умеют толково изъясняться.

– С кем же я связался? – с усмешкой переспросил Натабура.

Угол харчевни занимался огнем. Харчевник с все возрастающей тревогой косил туда рыжим глазом.

– Потушить бы надо... – предложил он.

– Перебьешься, – ответил Натабура.

– Потушить бы! – он даже сделал шаг в сторону.

– Стой, где стоишь! – приказал Натабура, и голубой кусанаги в его руках был самым весомым аргументом.

– Вот явится Ушмаль, что ты будешь делать? – вдруг осведомился рыжий харчевник. – Прилетит и убьет вас всех.

Судя по всему, он хотел запугать Натабуру.

– Кажется, я его уже видел.

– Нет, ты видел Майяпана – моего господина, а это не одно и то же.

И Натабура вспомнил. Он все вспомнил, но так, словно это был сон. Должно быть, сам Мёо – светлый царь Буцу⁷⁶, явился, чтобы покарать их всех, но прежде всего за отступничество от учения бодхисаттв, а не за вторжение в харчевню «Хэйан-кё». У Мёо было злобное лицо неразборчивого убийцы: редкие усы, нитеобразная борода и раскосые глаза жителя степей. Почему он принял такой облик, Натабура не понял. Но расправиться с Натабурой и его друзьями он собирался, иначе не держал бы в руках огненный меч, а за его спиной не полыхало бы пламя самадхи⁷⁷.

Их спасло только одно единственное обстоятельство: и Натабура, и Язаки не только отлично знали Истинный Закон Будды, но соблюдали его, и Мёо понял это сразу, как только

---

⁷⁵ Такубусума – белое дерево, цветы которого ядовиты для человека.

⁷⁶ Буцу – Будда.

⁷⁷ Пламя самадхи – пламя просветления.

взглянул на светящуюся руку Язаки, на их лица и проникся их мыслями и поступками. Недаром они много лет бродили по разным странам. Мёо сказал, обращаясь к Натабуру: «Я понял, что твоя молитва способна заставить птицу упасть на землю. Иди с Богом». Но где тогда Язаки и Ванути? Где?

– Где?! Где мои друзья?! – закричал Натабура, ибо голос рыжего харчевника убаюкивал, а события предыдущего дня и бессонная ночь давали о себе знать.

В этот момент наверху произошло то, чего Натабура боялся больше всего: раздался рев Афры и песиголовца – демона ойбара. Рыжий харчевник проявил чудеса ловкости, побежал по коридору, не обращая внимания на кусанаги.

Натабура и теперь не собирался его убивать, а всего лишь догнал и оглушил, ударив кусанаги плашмя по затылку и, перепрыгнув через тушу, которая загромождила коридор, бросился наверх.

Афра дрался с песиголовцем на веранде третьего яруса. Рычащий клубок катался из одного угла в другой. Кровью был залит весь пол. Шерсть клочьями витала в воздухе. Уже выхватывая годзуку, Натабура пожалел, что у него нет мшаго, который остался у Язаки. Мшаго бы пригодился, ибо кусанаги невозможно было действовать, как мшаго, для этого кусанаги был слишком тяжел. Тут годзука сам прыгнул в ладонь, словно угадав мысль хозяина, да и горло врага тоже нашел сам, оберегая и Афру, и Натабуру, и остался единственно хладнокровным во всей этой кутерьме. Но прежде, чем яд подействовал, Натабура сообразил, почему его до сих пор не укусил песиголовец: и Афру, и песиголовец схватились пастями, а в ход были пущены только когти. В это ситуации он ничего не мог сделать, разве что наносить песиголовцу удары годзукой. Но то ли яд плохо действовал, то у песиголовца мышцы были стальными, только и годзука оказался малопригодным. А потом Натабура сообразил: зажал голову песиголовца ногами, запрокинул голову на себя, открывая горло демона, тянул, тянул на себя, пока не нащупал кадык и не стал душить. Если бы не Афра, он бы с ним не справился, потому что песиголовец был силен, как десять человек вместе взятых. Стоило песиголовцу отвлечься на Натабуру – чуть-чуть разжать челюсти, Афра перехватил ниже и помог, добавил песиголовца вместе с Натабурой, и демон захрипел, заизвивался, норовя вырваться, дико кося налитыми кровью глазами. И почти уже сделал это, как вдруг у него внутри что-то хрустнуло, и он обмяк. Липкая, черная кровь хлынула из горла и залила и Натабуру, и Афру, и всю веранду.

Натабура отполз в сторону и целую кокой лежал, следя за врагом, который медленно издыхал, царапая когтями пол – во все стороны летели щепки. Следовало, конечно, добить его, но сил не было, да и Афра досталось.

Натабура поднялся, чтобы посмотреть на раны Афры, как вдруг песиголовец вскочил и, перевалившись через перила веранды, с глухим, утробным звуком упал на землю. Прежде чем Натабура и Афра что-то разглядели в густой зелени леса, он скрылся в кустах, оставив за собой кровавую дорожку.

Харчевня «Хэйан-кё» горела. Она сползла с холма и боком погружалась в черную выворотню, которая с чмоканьем и присвистом ее поглощала.

Натабуру и Афру пришлось ретироваться, и хотя у Афры был ободраны все бока, ему хватило сил спрыгнуть следом за Натабурой, и они углубились в лес. Некоторое время они сгоряча бежали по кровавому следу песиголовца, но потом он затерялся, и, наверное, они все-таки выследили бы песиголовца, однако Афра истекал кровью из ран и на боках, и на морде, и Натабура занялся им. И хотя он чувствовал, что все рухнуло, что он больше не увидит друга Язаки и стопятилетнего деда Ванути, руки привычно делали свое дело, и через коку, несмотря на тяжелые раны, Афра уже бегал и прыгал, как щенок. Натабура с облегчением вздохнул и отвернулся – хоть одно утешение. На душе было, как никогда, тяжело. Все рухнуло. Отныне будет только хуже, думал он, не в силах противостоять отчаянию. И хотя Акинобу учил его не поддаваться своим чувствам и быть всегда ровным и спокойным, сегодня он не мог удержаться,

чтобы не предаться самокритике и поиску ошибок. Ему казалось, что он понаделал их великое множество, везде-везде-везде. И тихонько горевал.

К вечеру он обнаружил, что они заблудились: солнце светило не слева, как было положено, а справа. Выходит, подумал он, мы идем назад, вернее, даже не назад, а на восток, но на востоке ничего нет. И в этот момент они ступили на желтую императорскую дорогу, густо-густо заросшую дикой розой. Вот те на! – еще больше удивился Натабура, вздохнув: так тому и быть, и стал продираться к Нефритовому дворцу, на месте которого возвышалась золотая пирамида, окруженная рвом с водой и обнесенная тремя рядами стен. Он еще подспудно лелеял в себе слабую-слабую надежду найти Язаки и Ванути.

Как я одинок, думал Натабура, вспоминая о Юке. Как я одинок! Есть ли что-то еще более одинокое, чем жизнь?

Глава 3

Хитрости и ошибки Акинобу

У арабуру не было ни флота, на котором бы они приплыли, ни армии драконов, которые перенесли бы их через океан или через старое Китайское море. Не было ничего зримого: просто однажды утром жители страны проснулись, – а они уже здесь, рядом, ходят и разговаривают на своем тарабарском языке, который назвали истинно японским, задирают местное население и воруют женщин. Иканобори появились позднее – тоже из ниоткуда, ровно в тот день, когда арабуру потерпели поражение при горной крепости Фудоки. Императорский тайсё⁷⁸ Амэёродзутоёхи заманил ничего не подозревающих арабуру в ущелье Хитамити, запер их там и убил голодом, огнем и водой всех до единого – все двадцать тысяч иноземцев. А через три дня небо со стороны Поднебесной вдруг потемнело, и стаи пятипалых драконов, изрыгающие дым и пламя, стали опускаться на поля, дороги и города Нихон. Они пришли на помощь арабуру, сожгли крепость Фудоки, принесли в жертву императора Мангобэй, захватили все крупные города и выставили на дорогах многочисленные сэкисё⁷⁹. С того времени и началась не только великая засуха, но и на смену погибшим арабуру явились новые орды, а их отношение к местному населению стало особенно жестоким. Не проходило и дня, чтобы в стране не убивали японцев, которые в свою очередь убивали арабуру.

Вскоре стало ясно – арабуру исповедуют лицемерие. Одной рукой они привлекли на свою сторону знатных самураев, императорских советников, людей, возглавляющих кугё⁸⁰, больших и малых даймё⁸¹, их кёрай⁸², суля последним лёны⁸³ тех даймё, которые не приняли новую власть. Другой рукой проводили кровавую политику в отношении все тех, кто не подчинился. И страна Се-Акатль, как ее теперь называли, опустела. Дороги заросли. Крестьяне разбежались в страхе и попрятались в горах и в непроходимых чащобах проклятого, заколдованного леса Мацумао, где до этого обитали лишь одни разбойники и те из государственных преступников, которым запрещалось жить в городах и деревнях.

Некоторое время сопротивлялись одни ямабуси⁸⁴ окрестных горных монастырей, вдруг объединившиеся во имя великой цели, но в конце концов и их задавили. Теперь из самого главного монастыря Энряку дзи на горе Хиэй дзан, что находилась в двадцати сато⁸⁵ к северу-востоку от Киото, не доносилось привычного перезвона, и силы зла через северо-восточное направление, которое считалось воротами демонов, беспрепятственно проникали в столицу Мира.

Зато в провинциях вдруг в огромном количестве развелись акуто⁸⁶, чуждые патриотизму, они грабили то, что осталось после арабуру, не чурались ни храмовой утварью, ни последней циновкой в самых захудалых монастырях. Их не трогали по двум причинам: шайки были слишком мелки и рассеивались при появлении грозных отрядов арабуру, к тому же они довершали то, что не могли сделать новые хозяева – окончательно разоряли страну.

---

⁷⁸ Тайсё – главнокомандующий.

⁷⁹ Сэкисё – застава, пропускные пункты в стратегических точках.

⁸⁰ Кугё – аристократические кланы.

⁸¹ Даймё – землевладелец.

⁸² Кёрай – вассалы даймё.

⁸³ Лёны – земляные наделы.

⁸⁴ Ямабуси – горный монах.

⁸⁵ Один сато – 535 метров.

⁸⁶ Акуто – мелкие шайки грабителей.

* * *

Генералу Го-Тоба давно хотелось напиться. С тех пор, как он потерпел поражение от арабуру. Это чувство безраздельно властвовало им. Вначале он еще боролся с ним, но теперь чувствовал, что если не напьется в ближайшие сутки, то умрет от необъяснимой тоски. Его мучили воспоминания о собственном позоре. Впрочем, умереть надо было еще раньше, сразу после сражения, но у него не хватало духа, чтобы совершить сэппуку, да и со смертью лучшего фехтовальщика империи Чжэн Чэн-гун трудно было рассчитывать на быстрый и легкий конец: иногда человек мучился до рассвета, если он, конечно, совершал сэппуку, как положено, на закате дня. Попросить же Акинобу или его ученика о помощи у генерала Го-Тоба не поворачивался язык. Если бы он завел разговор, повернуть назад было бы невозможно. Легче было напиться. Буду пить, чтобы все забыть, смело решил он. Но, судя по всему, у его попутчиков не было при себе алкоголя. А генерал Го-Тоба привык к сакэ, настоящему на цветках саккуры, ибо такой сакэ нес в себе божественное дыхание Фудо⁸⁷.

В общем, так или иначе, а генерал страдал. Правда, в его страдании был большой плюс: с жизнью можно было не расставаться, ибо со смертью императора Мангобэй острая необходимость в сэппуку сама собой отпала, хотя генерал Го-Тоба и был женат на его младшей дочери и даже подарил императору пару внуков. Он еще надеялся найти их живыми и здоровыми, поэтому-то и пристроился к людям, которые, судя по всему, знали, зачем идут в такое гиблое место, как столица Мира – Киото, которую новые хозяева страны переименовали на свой манер – в Чальчуапа. Для японского уха это было мертвое, ничего не значащее слово. Просто Чальчуапа, а что оно обозначает, никто не знал.

По большому секрету, генерал Го-Тоба не был боевым генералом. Он заработал свой чин не ратным трудом и долгими годами воинской службой, а в качестве родственника императора Мангобэй. Ему даже разрешалось в знак особой милости приближаться к императору не вприсядку, растопырив пальцы, как это проделывали остальные придворные, а обычным шагом, правда, семена и обязательно с выражением почтения на лице. Но уж от этого нельзя было никуда деться. Шестая армия считалась тихим, теплым и доходным местом. Равнина вдоль реки Абукима была хорошо обжита, и крестьяне, которые ее обрабатывали, считались миролюбивыми. Генерал Го-Тоба обложил их налогом «на армию», большую часть которого втихаря клал себе в карман, и постепенно разленился, справедливо считая, что будет вести такой образ жизни до конца дней своих. В этом он видел судьбу, избранность и свысока относился даже к своим офицерам. Однако появились арабуру, и теперь у него были счеты с ними. Впрочем, генерал этого не понимал, он был не из храброго десятка, да и ума не нажил, как и крепости духа.

Он командовал очень большой и хорошо обученной армией, которая в отличие от своего генерала, даже в мирное время не предавалась лени и разврату. В этом крылось его величайшее жизненное достижение. Ему просто не хватило ума вмешиваться в дела своих высших офицеров и все испортить. Зачем вникать в проблемы армии, если тебе регулярно докладывают только о положительной стороне армейской жизни. Отлично! Он потирал руки! И жил припеваючи, предаваясь праздной жизни: спал до полудня и пил нектар нора⁸⁸ и юри⁸⁹. У него было три наложницы, и он построил для каждой огромный дом. Неужели все генералы так хорошо и беспечно живут? Нет, он не задавал себе подобного вопроса. Зачем? Он даже не думал о

---

⁸⁷ Фудо – божество, отгоняющее злых духов. Изображается сидящим с мечом в руках в пламени. Символизирует стойкость духа.

⁸⁸ Нора – дикая роза.

⁸⁹ Юри – лилия.

нем, как не думает трава о грядущей осени. Зачем, если все в жизни складывается удачно. Но когда грянул гром в виде иканобори и арабуру, генерал Го-Тоба не был готов к ратному делу. Растерянность овладела им. Он стал совершать ошибку за ошибкой. Раз в стране воцарился хаос, решил он, то и внутри вверенной мне армии тоже хаос, а меня всего лишь обманывают. Посему он стал производить реорганизации: тасовал командиров, менял вооружение и амуницию. Кавалеристов муштровал как пехотинцев, а пехоту – как кавалерию. Лучники и арбалетчики у него в лучшем случае отделялись купанием в море, ибо их учили плавать в полном вооружении, и так далее, и тому подобное – глупость за глупостью. Так он запретил пользоваться на учениях нагинатой, посчитав ее слишком опасной, потому что однажды один из кавалеристов уронил ее ему на ногу. Дело дошло до того, что попытки лучников усесться на лошадей под всеобщий хохот заканчивались падением. Конечно, если бы у генерала Го-Тоба было время, он бы нашел золотую середину, скорее всего, вернув все на свои места, устав от подобных занятий. Но времени у него не было.

Естественным образом к нему стекалась самая разнообразная информация в виде докладов от ниндзюцу⁹⁰ всех мастей, от дезертиров из других армий, от своих же офицеров и посланника императора, который, к слову сказать, явился всего лишь один раз. Он терялся, не зная, как интерпретировать донесения. Император Мангобэй потребовал двинуть войска на помощь столице, но когда это известие дошло до генерала Го-Тоба, император уже был мертв. Правда, генерал мог ударить в подбрюшье арабуру, тем более, что после грандиозного сражения на равнине Нара они были изрядно помяты. Но из-за нерешительности упустил момент, хотя штаб армии всячески подталкивал его к активным действиям. Он же оправдывал свою позицию тем, что шестая армия резервная и одна ее мощь служила гарантом стратегического успеха, но арабуру внесли такой хаос в центральные районы страны, что ни о каком спокойствии или успехе речь уже и не шла. Надо было наступать. Тогда генерал Го-Тоба вообразил, что долина реки Абукима по каким-то неведомым причинам не привлечет внимания захватчиков. И затаился, оставаясь на месте. Мало того, когда аванпосты стали докладывать о появлении разъездов врага, он стал отводить армию все дальше и дальше на север в горные районы. К нему стал стекаться разнообразнейший люд, но он не пополнял им ряды армии, потому что из-за снобизма руководствовался принципом чистоты самурайских рядов. Однажды, когда его положение стало отчаянным и к нему явились четыре демона: Фуки⁹¹, Каги⁹², Доки⁹³ и Онгёки⁹⁴, он отказался от их услуг, ибо все они пришли с гор. Своей нерешительностью он довел армию до той стадии, когда люди стали разбегаться. Даже когда арабуру вторглись основными силами в долину реки Абукима и стали жечь деревни, которые генерал обязан был защищать, он не решился на активные действия. Крестьяне сопротивлялись, сколько могли. Четыре демона помогали им изо всех сил. Демон ветра летал над войсками арабуру и осыпал их отравленными стрелами. Демон огня сжег вся леса и поля окрест. Демон подземелий укрывал крестьян в пещерах. А демон невидимости делал эти пещеры незаметными для арабуру.

Разумеется, долго так продолжаться не могло. Арабуру с помощью иканобори шаг за шагом продвигались на север, и когда генералу Го-Тоба стало некуда отступать, он дал генеральное сражение по всем тем правилам и стратегиям, которым его обучали в Срединном Царстве. И конечно, тут же проиграл.

⁹⁰ Ниндзюцу – шпион.

⁹¹ Фуки – демон ветра.

⁹² Каги – демон огня.

⁹³ Доки – демон подземелий.

⁹⁴ Онгёки – демон невидимости.

Поэтому за глаза его стали называть «генералом-простофилей». Все отвернулись от него. Преданным остался лишь один Чжэн Чэн-гун. Но чего греха таить, подспудно генерал Го-Тоба желал его смерти, ибо Чжэн Чэн-гун был свидетелем его позора.

С тех пор в Японии говорят: «Ленив, глуп и недалковиден, как готоба». А еще говорят, что, прав не тот, кто изворотливей, а тот, кто сильнее духом. А еще говорят, что честен тот, кто всегда говорит себе правду.

* * *

Акинобу решил не ждать Натабуру на прежнем месте – в квартале Хидзи, где всего-то жила сотня-другая бродяг. Это было бы верхом безрассудства, да и вообще – глупо. Во-первых, здесь они заметны, как вороны на заснеженном поле, а во-вторых, есть было нечего. Он оставил всего лишь сломанную ветку, которая указывала направление, в котором они ушли. Ветка быстро высохла и ничем не отличалась от хлама, которым была полна хижина, но только для неопытного глаза.

Если бы они задержались до утра, то увидели бы Невидимку из Ига⁹⁵ – человека, который появился словно ниоткуда, но пришел точно по следам, которые оставил Натабура и его люди, не заступая, однако, на желтую императорскую дорогу, да и вообще сторонясь ее, словно чумы. И хотя крапива поднялась, как и прежде, он безошибочно нашел тропу и незаметно, как хонки, проник в хижину. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, сколько людей находилось здесь – семеро. Даже клочок шерсти Афра не ускользнул от его опытного взора. Волос был самый что ни на есть собачий, хотя вначале человек подумал, что он принадлежит песиголовцу, и это его насторожило, но и потом настороженность не прошла – медвежий тэнгу, путешествующий с людьми – весомый аргумент, чтобы быть втройне осторожным, ибо медвежий тэнгу – большая редкость в стране Нихон.

Ветку он тоже обнаружил, но не тронул. Кто знает, может, завтра явится человек, чтобы проверить знак? Ветка указывала на запад, где на краю города находился квартал чеканщиков, один из немногих не разоренных арабуру, ибо они оказались большими ценителями серебряной и медной посуды, на которой любили сладко поесть. Что же, правильно, подумал он, где еще можно раствориться в толпе, не привлекая внимания. Да и знак направления сделан со смыслом: на длинной части ветки кора была содрана и завязана в виде иероглифа «ума»⁹⁶. Но только опытный глаз мог отличить иероглиф от случайной былинки.

По большому секрету надо сообщить, что Невидимку из Ига звали Абэ но Сэймэй. Запомните это имя. Никто ничего толком о нем не знал: чем он занимается и как его зовут, что он есть и где спит, наконец, кого любит, а кого ненавидит. Люди, которые обучали его, позаботились обо всем этом. Он был никем. Тенью дракона Аху⁹⁷, выходцем с горы Сирояма, для которой время не уходит и приходит, а пребывает поныне. Принадлежал он к школе «Врат Дракона».

Имя его знали только Три Старца. Эти Старцы находились далеко на севере, в горах, в долине Проклятых самураев, точнее, в одноименном монастыре. Но даже на таком отдалении они видели каждый его шаг и действовали весьма успешно. Их девизом было изречение: «Чтобы победить врага, нужно всего лишь время». Они были адептами дзэн-буддизма, и времени у них было более чем достаточно – вечность.

---

⁹⁵ Ига – провинция.

⁹⁶ Ума – медь.

⁹⁷ Аху – дракон, защитник обездоленных.

Поэтому-то Абэ но Сэймэй по кличке Невидимка из Ига и пребывал в разоренной столице. Каждые сэкки⁹⁸ он посылал отчеты голубиной почтой и получал инструкции, что ему делать. Иногда его задания были весьма странны и на первый взгляд непонятны. Иногда надо было кого-то убить. Такие задания были самыми простыми. А иногда требовалось всего лишь появиться в нужное время в нужном месте и помочь конкретному человеку, или напротив, отвести от кого-то беду, или свести двух больших людей, а иногда просто столкнуть камень с дороги – и ход истории менялся. Его ментальность была высшего порядка, хотя и имела ограничение, связанное со спецификой деятельности, но от этого никуда нельзя было деться, поэтому в его действиях присутствовала ваби⁹⁹.

По идее, старцы с гор должны были послать в столицу Мира двух, а лучше трех совершенно разных людей, с разными способностями и функциями, но таких исполнителей было слишком мало, и все, что можно было соединить, соединилось в одном единственном человеке – Абэ но Сэймэй.

С последней голубиной почтой пришел наказ посетить харчевню на Поднебесной. Суть задания, как всегда, не раскрывалась. Да этого и не требовалось, ибо в дзэн, как в «Цветочной проповеди»¹⁰⁰ Будды, ничего не требовало объяснений.

– Эйя!¹⁰¹ – только и воскликнул Абэ но Сэймэй.

Почему его привлек именно этот след, он не знал, да и не стремился узнать, ибо действовал по наитию – так, как его обучили. Если это акуто, то я их убью, подумал вначале он, а если кто-либо другие, посмотрим. Последнее время мелкие банды в надежде поживиться все чаще проникали в столицу Нихон. Они маскировались под крестьян или ремесленников, были дерзки и одновременно трусливы, как стаи уличных собак. Абэ но Сэймэй быстро понял, что за главного в группе человек с посохом. Следы от него были если не четко, то все же заметны по правую сторону от тропинки. Еще Абэ но Сэймэй определил, что у одного из людей есть меч, ибо, когда этот человек садился отдохнуть, он характерным движением подвертывал левую ногу и усаживался, налегая, на нее, словно оберегая ценный меч, который оставлял в пыли или на траве присущий ему след. А еще был подросток, который вообще не хоронился и шел, сбивая головки цветов. Подросток был босым. Вот только четвертого человека Абэ но Сэймэй никак не мог расшифровать. Был он легок на ногу и всегда продуманно устраивался на отдых: не мял траву и не ложился навзничь, предпочитая облакачиваться на дерево. Когда он поднимался с земли, то перекачивался, повторяя прием ухода от удара. Это значило только одно – человек был обучен всегда и во всем быть начеку. Неужели это один из наших, задумался Абэ но Сэймэй. Неужели на стороне акуто появились ниндзюцу? Если это так, то предателя надо было срочно убить. Он стал искать особый знак, который каждый из невидимок школы «Врат Дракона» должен был оставлять на земле, но ничего не нашел. Мало того, этот странный человек даже заметал след своих ног. Нет ничего хуже, чем хорониться таким странным образом. Стало быть, рассуждал Абэ но Сэймэй, я столкнулся с опытным собратом. Но собрат ли он? Это надо было еще проверить.

Он скользнул из хижины, как тень, не оставляя следов, и трава за ним тут же встала стеной. Даже учитель Акинобу и Натабура не умели так ходить. Три фактора способствовало этому: специальная обувь, специальная одежда, за которую не цеплялись репейники, и навыки движения в чаще – Абэ но Сэймэй думал, как трава, и разговаривал с ней, становясь травой. Непосвященному человеку это казалось чудом, поэтому многие думали, что такие люди, как

---

⁹⁸ Сэки – пятнадцать дней.

⁹⁹ Ваби – стремление стать господином самому себе, т. е. исключить случайность.

¹⁰⁰ Цветочная проповедь – Будда всего лишь молча указал на цветок. Ученики должны были проникнуться самостоятельно. Догадался один, он и был выбран Буддой.

¹⁰¹ Эйя! – восклицание, которым хотят подчеркнуть удачу.

Абэ но Сэймэй, умеют летать. Сам же невидимка из Ига был уверен, что ему помогают предки, Боги и собственная голова.

Даже то, что те четверо пошли не кратчайшей дорогой – желтым императорским трактом, а выбрали окружной путь, говорило о том, что люди избегали арабуру. А кто их не избегает? – спросил он сам себя. Все избегают. Стало быть, они пришли специально. Идут налегке, без ноши, с одним мечом и посохом. Ну и с ножами, конечно, которые не запрещены. Но зачем меч? Это сбило его с толку. Никто в здравом разуме не будет носить меч открыто, ибо при встрече с арабуру это означает мгновенную смерть. Значит, значит... Стоп! Ничего не понял. Должно быть, еще рано делать выводы.

Так и не разгадав загадку, Абэ но Сэймэй просто шел за странным людьми и незаметно попал в квартал чеканщиков, а потом и дальше – в квартал ювелиров. Это обстоятельство удивило его еще больше: как незнакомцы, не зная города, смогли миновать все заставы?

Надо было бы, конечно, пойти по желтой императорской дороге и исследовать императорский лес, который когда-то был просто городским парком, но Три Старца запретили даже думать об этом, поэтому Абэ но Сэймэй не пошел за Натабуруй и его товарищами.

В квартале чеканщиков Абэ но Сэймэй уселся на веранде крохотной харчевни, заказал чая и принялся ждать, не опасаясь арабуру, ибо Абэ но Сэймэй не было равных в искусстве исчезать подобно хонки – ведь ниндзюцу учились у своих бестелесных братьев, тем более, что в такие тяжелые времена хонки всех мастей делились с людьми своими большими тайнами и мелкими секретами.

Перед Абэ но Сэймэй лежала площадь треугольной формы, которая словно в насмешку называлась Поднебесной и которая затерялась между кварталом чеканщиков, кварталом ювелиров, Исии – кварталом каменотесов, изготавливавших саркофаги и могильные камеры, и кварталом ткачей – Онамути, где шили кимоно и другую одежду. С приходом арабуру эти профессии пришли в упадок, и от бывшего величия этой хотя и крохотной, но всегда многолюдной площади остались одни воспоминания – харчевня на семь столиков. Большого хозяин себе позволить не мог, потому что в эти смутные времена редко кто отваживался провести у него вечер, не опасаясь быть застигнутым патрулем арабуру или их приспешниками – кэбииси¹⁰², которые выслуживались перед новыми хозяевами, не жалея живота своего.

В эту харчевню Абэ но Сэймэй ходил ровно три дня, на четвертый свое выходил. Недаром он считался мастером своего дела.

* * *

Прошло три дня – Натабура не возвращался. Акинобу невольно начал волноваться. Хотелось верить, что ним ничего не случилось. Без боя он не дался бы, утешал себя учитель. Шума же в столице не было? Не было! Ни погони, ни криков, ни драк. Только на севере новые хозяева устраивались поудобнее, возводя вместо Нефритового дворца аляповатую золотую крепость-пирамиду. Ее было видно ото всюду. Она мозолила глаза, как грязное пятно на стене. В любом случае, надо ждать, рассуждал Акинобу. Если что случилось, думал он, Афра наверняка бы нас нашел, ведь у него отменный нюх.

А именно в этот момент Натабура с Афра в поисках пропавших Язаки и Ванути как раз столкнулись с арабуру.

Акинобу по одному ему понятному наитию решил выйти в город. Он и сам не понимал, почему должен посетить харчевню «Кума»¹⁰³, и усесться на веранде с видом на Поднебесную. Повинуясь странному влечению, он не взял и посох из белого корейского дуба. Что-то ему

---

¹⁰² Кэбииси – городские стражники.

¹⁰³ Кума – медведь.

подсказывало не делать этого. Он не стал рассуждать на эту тему, а просто отставил его дома и наказал Баттусаю не выпускать строптивного генерала Го-Тоба ни под каким предлогом. Если мальчишка Митиёри довольствовался добровольным заточением, находя в этом даже какую-то романтику, то генерал рвался напиться. Причем, сделать он это пытался в полном облачении монаха и с мечом на боку. Никакие доводы на него не действовали, и он стал изрядно надоедать Акинобу. Но Акинобу еще не принял решения, что делать с глупым генералом, который с каждым днем становился все непредсказуемей. Можно было придумать для него правдоподобное задание, которое соответствовало бы его чину, и удалить из города, но как назло, в голову учителю Акинобу ничего путного не приходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.